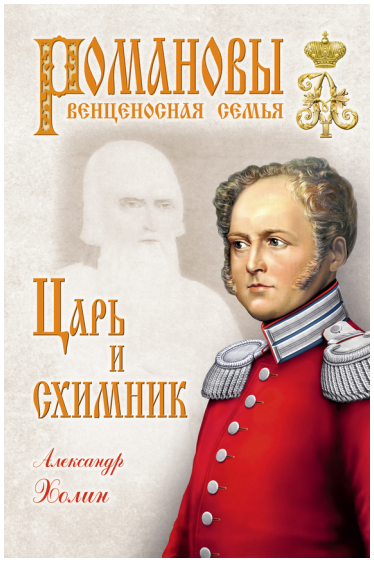
Романовы
венценосная семья
Царь и схимник
Александр Холин

Александр Холин

Царь и схимник

Серия «Романовы. Венценосная семья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654080
Холин, А. Царь и схимник : роман: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-1225-1, 978-5-4444-8277-3

Аннотация

Александр Павлович, император России, и Федор Кузьмич, сибирский отшельник. Что же между ними общего?.. Есть версия, что оба эти человека – одно и то же лицо. Однако вопреки сложившемуся мнению все может оказаться еще сложнее и запутаннее. Известный московский писатель предлагает весьма оригинальный и очень достоверный вариант событий, как предшествовавших, так и последовавших за смертью императора в Таганроге осенью 1825 года…

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 38
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Александр Холин
Царь и схимник

Всякая история – это миф, созданный для того, чтобы придать смысл тем немногим фактам, о которых нам известно. Прошлое представляет собой гипотезу, служащую для того, чтобы объяснить и оправдать настоящее.
Искатель исторической истины

© Холин А., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

Пролог

На землях ванов, русов, ариев и других народностей издревле с уважением относились к магическим мистериям и обычным молитвам, которые в действительности до сих пор являются путями в Божественное Зазеркалье или параллельный мир. Лишь в первой половине XX века, когда исторический материализм восторжествовал над духовной сущностью Государства Российского, писатели, ученые и даже всяческая околонаучная шпана принялась разделять историю и мистику на две отдельные части. Причем, историю переписывали заново по великодержавному разрешению Лейбы Бронштейна (Троцкого), а мистику вообще объявили лживой оккультной наукой, недостойной внимания молодого материалистического поколения. Но никто из ученых тогда не решился возразить, дескать, история и мистика – это два крыла одной птицы, зачем же их разделять? Куда птичка сможет улететь на одном крыле?

В этой книге любопытный читатель сможет натолкнуться на уже происшедшие, известные, но мало опубликованные факты истории, то есть криптографические данные из жизни императора Всея Руси Александра I. До сих пор некоторые из любопытнейших артефактов не известны почти никому. Почему история в нашей стране намеренно «замалчивается»? Может быть, среднестатистический человек еще не готов к восприятию некоторых исторических фактов, переплетающихся с мистикой? Или же это замалчивание просто кому-то необходимо?

В нашей стране любой младенец с ранних лет жизни слышал о Рипейских горах, где царствует Хозяйка Медной горы, где находится аномальный Кунгурский треугольник. Кстати сказать, западный Бермудский треугольник перед нашим Кунгурским – как котенок у ног льва. Но об этом, к сожалению, мало кто знает, потому что в «трудное советское время» все аномальные происшествия немедленно загоняли в тюремную камеру с грифом «Совершенно секретно» и запрещали свидетелям высказывать мысли принародно под страхом репрессий и последующей бессрочной ссылкой и запретом на переписку.

Рипейские горы сейчас носят название Уральских. Почему произошла замена изначального названия – неизвестно, да и не стоит заострять внимание на столь незначительном факте. Хотя имя для руссичей всегда стояло во главе угла.

Важно другое: Рипейские горы – это и есть тот самый нулевой меридиан, который так долго не могли определить западные ученые. Судите сами, научный центр Гринвич – строение рук человеческих, а Рипейские горы, соединяющие Европу и Азию, существуют на Земле от природы или от Бога, если хотите. Причем этот тектонический излом известен насельникам планеты с доисторических времен. Еще древние греки отмечали, что один из богов Аполлон иногда посещает свою родину – Гиперборею, которая лежит за непроходимым Рипейским архипелагом. И хотя на картах ранних греков Рипейские горы изображались растянутыми с запада на восток, но это не такая уж большая неточность.

У каждого человека одним из самых болезненных интересов было возвращение к минувшему. Откуда все произошло? Кто такие люди по своей сути? Где та движущая сила, управляющая миром? И человек лишь потом задавался вопросом: «Что будет?»

Итак, что же было со всеми нами? Одни пытаются уверить, что человек-де произошел от обезьяны. Но переходный момент между австралопитеком и неандертальцем так и не обнаружен. Тем более что таких случаев в природе никогда не наблюдалось. Любой вид животного не может так вот запросто перейти в иной, наиболее умный или же наоборот – деградирующий.

С другой стороны, очень многие пытаются ниспровергнуть тезис, что все наше «здравомыслие» сотворено Всевышним.

Дескать, зачем Всевышнему надо было все это? Вопрос логичен с точки зрения человека. Но и ответ напрашивается соответствующий: затем, хотя бы, что душа наша, то есть Божественное начало, наш мистический огонь, может развиваться и пребывать только в физическом теле. Кроме этого, Господь каждому человеку подкидывает испытания и смотрит, как сотворенное Им создание справляется с разными жизненными рогатками. Ведь если человек не ломается, не гнется, не ищет виноватых в своих грехах «стрелочников», глупых оправданий и уверток, значит, он действительно дитя Божье.

В этой книге рассматривается история царствования Александра I. Читатель узнает, как царевичу достался трон и как он всю жизнь хотел избавиться от этого трона. Более того, любознательные смогут понять структуру огня и воды – две основных ипостаси структуры человека. Познай себя – познаешь Бога, как говорили древние мудрецы.

В книге приведены многие пророчества русских проповедников, а также некоторые из них, сказанные старцем Серафимом Саровским, сбывающиеся по сей день. Естественно, что многие пророчества забывались с уходом из этой жизни людей, которым были сказаны. Но Всевышний посылал преподобному старцу Серафиму таких людей, которые могли донести до потомков довольно важные пророчества, касающиеся всех насельников этой планеты.

Конечно, преподобный Серафим Саровский видел будущее в мельчайших подробностях гораздо лучше, чем мы свое недавнее прошлое, но это не значит, что люди, которым старец передавал свои учения, понимали их так же хорошо, как он сам. Да и как понять пророчества, которые по времени превосходят все мыслимые пределы многих поколений людей?! И все же слова старца достигли наших дней, и с некоторыми из пророчеств любопытствующий читатель может ознакомиться с Божьей помощью.

Некоторые читатели сочтут этот роман за независимое журналистское расследование. Что ж, отказываться от такого определения было бы глупо, поскольку автором взяты действительные артефакты государственных расследований, но по какому-то или чьему-то хотению утонувшие в суетне и рутине, а потом невостребованные за давностью.

Итак, готовьтесь погулять по криптографической истории Государства Российского. Вернее, по некоторым страницам жизни известных русских деятелей.

Глава 1

Где-то под стрехой крыши с великолепными архитектурными элементами раздавались звуки необыкновенного речитатива голубей, которые проникали сюда сквозь широкие добротные дымоходы. Если бы трубочист в это время спустился ниже, то он услышал бы, как эти звуки отдаляются и превращаются в обычные человеческие голоса, разносящиеся по богатой зале помпезного дворца.

Зала привлекла бы внимание стороннего наблюдателя красивой мебелью и двумя большими картинами. Посреди залы, чуть ближе к одной из стен с окном, выходящим в лесопарк, стояла широченная кровать под балдахином, на которой возлежал мужчина в шелковой ночной сорочке и смешном спальном колпаке на голове.

Возле ложа стоял, услужливо склонив голову, человек в черном сюртуке, застегнутом наглухо. Единственным украшением его траурной одежды был золотой ключ с имперским двуглавым орлом, висевший на голубой ленте прикрепленной с левой стороны сюртука, ближе к сердцу. Такой ключ со времен Петра Первого имели право носить только царские камергеры – царицы Елизавета и Екатерина Великая строго придерживались этого обычая. А вот при Александре Благословенном должность камергера превратилась чуть ли не в номинальную.

Мужчина на постели вел негромкую беседу с одетым в сюртук услужливым господином. Тот кивал в знак согласия, потом раскрыл папку с бумагами, которую держал под мышкой, подошел к настольному пюпитру, стоявшему недалеко от кровати, снял с чернильницы массивную бронзовую крышку, увенчанную крохотной фигуркой крылатого ангела, обмакнул отточенное гусиное перо и приготовился записывать.

– Ах, нет! Не надо писать! – вскричал лежавший в постели. – От скрипа пера у меня появляется мигрень. Я и так эту ночь провел дурно. Еще намедни я просил тебя узнать, что случилось с гвардейцем, которого прозвали Александром Вторым? Неужели мои просьбы для тебя ничего не значат?

– Что вы, Ваше Величество, очень даже значат, – снова склонил голову слуга. – Ваши приказания не могут не выполняться, особенно мною. Дело в том…

– Отвечай же!

– …дело в том, что… Ага! Его фамилия Струменский, левофланговый унтер-офицер третьей роты Семеновского полка. Этого гвардейца схватили вместе с бунтовщиками-семеновцами, затем препроводили в гарнизон, к которому он приписан. Сегодня ему грозит битье шпицрутенами при прогоне через строй. Говорят, он ни в чем не виноват. Виноват лишь в похожести на императора.

– Не твое дело судить о виновности! – одернул словоохотливого слугу император. – Твое дело вовремя сообщать мне о происходящих переменах! На то ты и камергер. Более того, постельничий! Казнь еще не состоялась?

– Никак нет, Ваше Величество. Барабанный бой перед началом казни будет слышен и здесь.

– Да, это воистину le derniser coup[1]. Подай мне платье, – нетерпеливо произнес император. – Да не перепутай. Мне нужны сюртук «инкогнито», как у тебя, и гражданская шинель темно-синего цвета. Не хочу, чтобы кто-нибудь из подданных меня узнал!

– Все уже приготовлено, Ваше Величество, – торжествующе улыбнулся камергер. – Конец августа на удивление холодный, но я, по своему недалекому разумению, подумал, что

[1] Последний заход (*фр.)*.

вы решитесь-таки взглянуть на казнь бунтовщиков. К тому же Струменский в отличие от других смутьянов не вызывает никакого подозрения.

– Я тебя, Федор Кузьмич, держу в камергерах вовсе не для досужего обсуждения солдатской смуты. Мой батюшка знал, как справляться со смутьянами.

– В вашей дальновидности никто не сомневается, – согласился камергер. – Тем более, в одном государстве два императора – это слишком! Один из них выглядят как un vrail epouvanteil[2].

– Ах, mon ami, nous etions censes[3], что в ыйдет такая казуистика, – досадливо поморщился император. – Но ты прав, двух одинаковых государей не должно быть. Государство – это не балаган. Именно такую казуистику хотят сотворить с Россией господа Новиков[4], Пален[5] и иже с ними. Много лет назад я поддался на масонскую уловку о державных новшествах. Отец мой тоже попал в их сети, даже стал гроссмейстером тринадцатого градуса. Это и помогло ему взглянуть на врагов отечества с другой стороны. Он принялся укорачивать им длинные руки, за что и поплатился жизнью. Но я, Федор Кузьмич, я прельстился на постылые речи! И вот я тот, кем стал, – священномученик Химеры![6]

– Будет, Ваше Величество, будет! – пытался успокоить императора камергер. – Вы стали мощным оплотом сопротивления вольтерианской Франции тринадцать лет назад, и никакое масонское оружие не смогло сломить сильную и могучую державу.

– Ах, Федор Кузьмич, зови лакеев. Одеваться хочу! Пора пожаловать на место расправы! – император откинул атласное одеяло и сел на кровати. – Никогда не смотрел на казни, но сегодня я должен быть там! Не знаю, что меня влечет, но я должен!

– Знамо дело, что влечет, – усмехнулся Федор Кузьмич. – Тянет посмотреть в глаза агнцу, приносимому в жертву.

– Нишкни, холоп! – прикрикнул на камергера император. – Его жизнь нужна для благополучия Государства Российского. Неужели ты не сообразил этого?!

– Ага, сообразил, – ласково улыбнулся камергер. – Но особое соображение постигло меня третьего дни, когда пришлось убирать царскую постель после преставившейся в ваших объятиях девицы Настасьи.

– Настасья – oh, c'est toute une histoire[7], – досадливо отмахнулся им ператор. – Она была такой чувственной красавицей и такой супротивницей, что я еле совладал с ней. И даже после того она мне ухо чуть не откусила! Как же ее было не наказать?!.. Следует сделать так, чтобы царица Елизавета Алексеевна ничто не прознала. Уж такой грех мне будет непростителен, а она больна. Не стоит волновать больного человека. Вели же меня одевать!

– Как прикажете, Ваше Величество, – поклонился камергер. Он дернул шелковый шнурок возле царского ложа, и где-то далеко в глубине покоев раздался еле слышный звон колокольчика.

Вскоре в спальную залу лакеи внесли приготовленный накануне Федором Кузьмичом синий фрак и редингот. Эту гражданскую одежду император любил надевать по утрам, отправляясь на прогулку. Слуги принялись облачать императора с обычной деловой сноровкой.

---

[2] Настоящее чучело *(фр.)*.

[3] Мой дорогой, мы не предполагали *(фр.)*.

[4] Новиков Н.И. (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист. В 1770-х гг. примкнул к масонам. По приказу императрицы Екатерины II был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

[5] Пален П.А. (1745–1826) – граф, русский военный деятель, соучастник убийства Павла I.

[6] Химера – здесь в переносном смысле: необоснованная, несбыточная идея.

[7] Это целая история *(фр.)*.

Освободившись от рук лакеев, владыка тут же поспешил к зеркалу, где цирюльник припудрил ему щеки и выполнил несколько косметических мазков. Его Величество нетерпеливо отмахнулся от цирюльника и снова обратился к камергеру:

– Ou est ma tabatiere?[8]

– Как обычно вы оставили ее в малой гостиной на ломберном столике, Ваше Величество. – Невозмутимость камергера была той необходимостью, которая усваивается слугами только с годами безупречного служения. Федор Кузьмич запустил руку в глубокий карман своего сюртука и предъявил Государю требуемую вещицу.

Император подхватил табакерку и пошел вон из дворца по лестнице черного хода. Он всегда выходил через этот подъезд, если шел в Петербург гулять инкогнито. На площади, где должна была состояться экзекуция, всегда присутствовало не слишком много разночинного народа, но здесь можно было спокойно затеряться и не беспокоиться особо, что вдруг кто-нибудь из подданных узнает императора в лицо – все старательно соблюдали инкогнито Его Величества.

Нынче же императора подгоняло какое-то нездоровое любопытство, граничащее со страстью самому лицезреть происходящее: сегодня сквозь строй должны были прогнать его двойника. Скорее всего, унтер-офицера Струменского ждет мучительная смерть. Но жизнь этого служивого необходима Отечеству, точнее, остававшемуся жить высокородному двойнику. Зачем? В этом Александр до сих пор боялся признаться даже самому себе. За двадцать четыре года царствования он много чего натворил, да не в этом суть. Главное – стремление покаяться в грехах перед Отечеством, а для этого необходимо принести в жертву еще одного человека. Император поступал сейчас, как праотец Авраам: когда Господь потребовал принести в жертву сына, Авраам, ничуть не колеблясь, возложил на алтарь любимого мальчика и готов уже был нанести жертвенный удар, но Господь удержал его руку… Может, император сейчас тоже надеялся, что Всевышний удержит экзекуторов, и шпицрутены сослуживцев не разорвут кожу на теле унтер-офицера?.. Однако государь просчитался. Ибо Господь никогда не встревает в те дела, что идут не от Его имени…

Император прибавил шагу, поскольку раздалась барабанная дробь и заиграла флейта. Казнь началась.

Струменский, по счастью, оказался не в первых рядах подлежащих истязанию и, следовательно, «дождался» своего тайного зрителя. По пояс обнаженный, разутый и привязанный к штыку путами, стягивающими руки, не слишком молодой, лысоватый, но красивый унтер-офицер покорно подходил к строю солдат. Перед этим экзекуцию прошли уже несколько человек, холодные отшлифованные булыжники под ногами были залиты кровью, и свежий предосенний воздух последнего дня августа наполнился от нее горьковато-сладким запахом – запахом России. Видимо, стране этой всегда суждено омывать свои дни кровью убитых…

В юные годы, когда Александр был еще беззаботным царевичем, эта же площадь познакомилась с казнью Емельяна Пугачева, которого сумел покорить только генералиссимус Суворов. Сам Александр Васильевич тогда очень сожалел об такой своей нелицеприятной победе. И когда все вокруг радовались, он в ответ на поздравления лишь горько усмехался:

– Если б можно было повернуть вспять время, – говорил он, – и если б можно было нарушить армейскую клятву, то ни матушка Екатерина, ни православная Россия никогда бы не увидели моего нынешнего позора.

Вскоре после того случая генералиссимус в спешном порядке ушел в отставку, а юный Александр так и не мог понять тогда – в чем же вина полководца? Почему тот чувствовал себя обескураженным, словно обязанным выполнять приказания, противоречившие чести и достоинству русского офицера?!

---

[8] Где моя табакерка? *(фр.)*

При дворе, конечно, носились слухи, что бунт Пугачева – не бравада ушкуйников[9], а настоящая гражданская война. Что противники российского трона – не отбившиеся от рук казаки и не беглецы с каторги, а хорошо обученные воинскому искусству служивые люди, в числе которых много дворян. Генералиссимусу Суворову не составило большого труда разбить войсковые части противника, но когда он узнал, кого победил по указу Екатерины Великой, то сильно закручинился, елико сам давно уже был не согласен с внутриполитическими амбициями императрицы. Значит, слушаясь царского приказа, он приговорил к смерти тех, кому давно уже сочувствовал…

Именно сейчас, когда избиваемого шпицрутенами Струменского вели сквозь строй, а обнаженное тело солдата лопалось под ударами, и кровь обильно поливала булыжную мостовую, Александр вдруг понял, что Суворов был трижды прав и что над бедным унтерофицером совершается тягчайшее преступление. Причем инициированное им самим, императором Александром I, Государем всея Руси. Оказывается, Закон Божий «Не убий!» нельзя оправдать никакими доводами, объяснениями и необходимостью. Убийство так и останется убийством, с какой стороны ни посмотри.

Но самым тяжким и несмываемым преступлением на совести императора лежало убийство отца. Это мучило Александра всю сознательную жизнь… И вдруг он до боли в душе понял, что повторяет в этот день то же преступление, только уже не чужими, а собственными руками. Все стало так ясно, что государь почувствовал острую боль в спине, будто получал удары вместе с наказуемым. Видимо, недаром придворные астрологи утверждают, что двойники при жизни могут испытывать одинаковые чувства, особенно физическую боль и моральную утрату.

Александр близоруко прищурился. Потом, чтобы внимательней рассмотреть истязуемого, достал лорнет и принялся пристально разглядывать экзекуцию. Но уже через несколько минут он заметил, что место вокруг него освободилось – пришедшие поглазеть горожане узнали его и шарахнулись, как черти от ладана. Такое отношение к собственной персоне государь видел впервые в жизни, что повлекло за собой еще большую депрессию, плотоядно пожиравшую сознание.

Император растерянно осмотрелся и, испугавшись одиночества, подступавшего к нему прямо посреди шумной толпы, повернулся и быстро зашагал прочь. Однако барабаны, сопровождаемые звуками флейт, не утихали за его спиной – значит, казнь продолжалась. Государь вдруг понял, что надо хотя бы посочувствовать солдату, не подозревавшему, что незаслуженное битие совершается по приказу самого императора.

– Если я признаю, что так должно быть, что это нормально, – твердил вслух Александр, широко шагая к дворцовым апартаментам, – если я с этим соглашусь, то должен буду признать также, что вся моя жизнь, все мои дела и даже победа над Францией – все дурно! Мне давно уже было откровение: надо выполнить то, что давно хотел сделать! Я должен уйти, исчезнуть, все бросить без сожалений…

Где, в каком храме к нему пришло это откровение, он так и не мог вспомнить. Потому что, мучаясь своими сомнениями, император неоднократно бывал в храмах разных конфессий. Александр часто молился Богу то с патриархом Фотием в православном Ильинском соборе, то с протестантом Парротом, то с католическим епископом Кампанеллой, то с иллюминатом Крюднером. Ходил ли император тогда в различные храмы с чистой совестью? Ведь даже в них он старался показать подданным, что совершает разговор с Богом – а, значит, вовсе не молился, а просто играл роль набожного и праведного Государя.

– Пора настала уезжать в Ярославль и записываться лицедеем в театр Волкова, – недовольно проворчал Александр, вспоминая свою религиозную экзальтацию.

---

[9] Ушкуйники *(сленг)* – речные разбойники в XII–XVI вв.

И снова его, скрывшегося с места казни, догнала крамольная мысль, что такие экзекуции бесчеловечны, что так не должно быть! Но тут же, где-то в глубине сознания, поднялся афронт: мол, все совершается по уставу, и никуда не денешься от печальной необходимости. Более того, Александру ничуть не жаль было избиваемого унтер-офицера! Вместо того чтобы остановить казнь, он испугался быть узнанным, потому и спешно ретировался с места преступления… Преступления?!

Вернувшись в собственные покои, император выпил утренний чай, попутно приняв князя Волконского и барона Дибича, которые подробно принялись освещать добытые и уже проверенные сведения о собраниях тайного общества. Знать, масонство вновь поднимает голову, и государь сталкивается с выбором: либо подчиниться масонской лести, как это было с батюшкой, либо окончательно раздавить масонских червей, умело и нахально проникающих в сферу управления Государством Российским. Батюшка-то, император Павел I, поняв, к чему могут привести опасные замашки властолюбивого масонства, принялся немедленно избавляться от проникновения болезнетворных течений на землю Русскую, за что и поплатился жизнью.

Снова Государю вспомнился не единожды мучавший его сон, будто он сам, царственный наследник, присутствовал при последних минутах жизни батюшки. В опочивальню ворвались: петербургский генерал-губернатор Пален, братья Платон, Николай и Валериан Зубовы, генерал Бенингсен и командир Преображенского полка генерал Талызин. Комната оказалась пуста, но вскоре Государя нашли, прятавшегося за занавеской. Несколькими дерзкими ударами заговорщики свалили его на пол. В ногах у смутьянов лежал поверженный император, и каждый из них пинал его с таким остервенением и удовольствием, будто пред ним была тряпичная кукла. Пален во всеуслышание беспрестанно повторял: «Rappelezvous, messieurs, que pour manger d'une omelette, il faut commencer par cas ser les oeufs»[10].

Многих из них цесаревич видел в ту же ночь в Михайловском замке, но сначала не придал значения шумихе, ведь они обещали неприкосновенность государя. В те годы Александр часто верил людям на слово. Цесаревич рос совсем не ведавшим различий между ложью и правдой. Он слишком поздно понял, что жизнь страшна и непредсказуема – лишь когда матушка, вдовствующая царица Мария Федоровна, бросила ему в лицо:

– Радуйтесь, Александр, вы добились того, что стали императором. Votre ambition est satisfaite? [11]

Упрек был очевиден. Александр никогда не ругался с матерью. Более того, он даже любил ее, но эти слова отпечатались на всех дальнейших делах нового императора.

Тогда-то к нему во сне и явился впервые отец, претерпевший муки: в монашеском подряснике, но с посохом епископа. Он поведал, что собирается отправиться по русским городам и весям, поскольку за четыре года своего царствования не успел этого сделать, а теперь вот в самый раз. Александр тогда проснулся в холодном поту и целый день не мог обрести покоя. Он долго молился в каком-то храме и вновь услышал голос отца, повторивший, что надо странствовать и отмаливать накопленные грехи, ведь недаром калики перехожие почитаются на Руси до сих пор.

Однако император никак не мог вспомнить церковь, в которой его посетило это первое откровение. На всякий случай он заказал своим портным настоящий монашеский подрясник, который теперь висел у него в гардеробной. Александр даже не примерил новую одежду, так как камергер Федор Кузьмич дерзнул посмеяться над монашеским нарядом:

– Что вы, Ваше Величество, разве так можно?! – ужаснулся камергер.

---

[10] Помните, господа, что для того, чтобы съесть яичницу, надо прежде всего разбить яйца *(фр.)*.

[11] Ваше честолюбие удовлетворено? *(фр.)*

– Чем тебе не нравится православный подрясник? – нахмурился Государь. – Может быть, сам сошьешь?

– Да нет, Ваше Величество, – замотал головой Федор Кузьмич, – сшито отменно, ничего не скажешь, с двойным прихватом и подстежкой. Но в каких палестинах вы видели монахов в батистовых подрясниках? Люди Божьи, верно, даже слыхом не слыхивали о такой персидской материи. Представьте, идет по Руси калика перехожий, кусок хлеба выпрашивает, на ночлег просится, а у самого подрясник, как кафтан боярский, разве что золотом не шит?! Да за такой подрясник нищий может целую деревню себе купить вместе с крестьянами!

– Ну, хватит, хватит, – одернул Федора Кузьмича император. – Распорядись, чтобы сию одежду в гардеробную отнесли.

На том бы все и закончилось, только предстояла война с французами. Но за Русь вступилась сама Богородица. Государю доложили, что Царица Небесная явилась перед Буонапартом и повелела убираться ему вон из Москвы, не то, мол, худо будет. В россказни эти слабо верилось, тем более, что сообщали их те же монахи, прибывшие из Москвы. Однако французский император действительно кинулся вон из Златоглавой и даже Кремль не взорвал, о чем хвастался когда-то перед пани Валевской[12]. Факты – вещь упрямая, супротив них ничего не скажешь.

Тогда Александр опять услышал голос отца:

– Будет тебе царствовать, сын мой! Пора Богу послужить… Я тебя прощаю, несмышленыша, токмо не замай Родину, не разрушай державу… – голос батюшки Александр хорошо помнил и никогда не спутал бы его ни с каким другим.

Это произошло ночью в спальне, когда вокруг не было ни души. Лишь из коридора доносились размеренные шаги смены караула. Император лежал на постели, боясь пошевелиться. Сознание говорило ему, что так не может быть, все только кажется, но сердцем он чувствовал присутствие батюшки, переживавшего за сына и за державу Российскую, даже находясь в другой жизни.

В тот раз Александр все же примерил сшитый царскими портными монашеский подрясник. Одежда оказалась впору, государь сам себе казался в ней другим, лучшим, но рутина обыденности опять отвлекла его от решительного поступка. Да и как на него решиться? Царь не может бросить все и уйти – ни по своей, ни по чужой воле…

Сейчас Александру был зов в третий раз. А зовом пренебрегать нельзя, с такими вещами не шутят. И как некстати подвернулся двойник! Значит, отступление невозможно!

* * *

Струменский не знал, почему Господь даровал ему такую же личину, как у нынешнего императора. Никто из предков не был даже дальним родственником Романовых, но вот, поди ж ты! – как две капли воды унтер-офицер походил на своего императора.

В третьей роте Семеновского полка все началось с карт. Вахтенные сквозь пальцы смотрели на безвинные карточные развлечения. Надо же было поручику Чижевскому подкинуть на карточный стол необыкновенное яблочко раздора:

– Я ставлю тысячу рублей царской «Катеньки», что Струменский скоро сменит нашего императора!

Сам унтер-офицер и слова сказать не успел, как его разыграли и принялись повышать ставки. Такую игру надо было прекратить, но заядлые игроки не захотели отступаться, и

[12] Графиня Мария Валевская, урожденная Лончиньская (1786–1817) – польская дворянка, дочь гостыньского старосты Матвея Лончиньского, любовница Наполеона I, мать его сына – графа Александра Валевского.

безобидная игра превратилась в потасовку. Зачинщиков конечно же арестовали. Струменский пытался бежать, но был схвачен. Во всем оказался виноват сам Струменский, и его следовало наказать, чтоб другим неповадно стало…

После обеда Александр удалился в кабинет, однако работать не стал. Голова Государя закружилась, он прилег на кожаный диван и тут же провалился в сон. Только был это отнюдь не сон, а какая-то галлюцинация. Александр вновь увидел себя на площади, где противно ныли флейты и били барабаны. В этот раз сквозь строй прогоняли самого императора. Удары шпицрутенов рассекали кожу на его спине и заставляли орать от боли. Солдат, проводивший через строй приговоренного Государя, обернулся, и Александр с ужасом узнал в нем Струменского. Глаза унтер-офицера были навыкате, рот перекошен злобной улыбкой, с губ капала густая бело-розовая пена, как у загнанного рысака. Из его рта в лицо императору вылетел хрип, более похожий на плевок:

– Ты – человек! Тебе выбирать свой путь! Токмо не вздумай назад оглянуться!

Император вскрикнул и очнулся. Его охватил болезненный озноб. Видения, посылаемые свыше, с каждым разом становились все явственней, чувствительней и доподлинно передавали чувство реальности. Александр несколько минут просидел на диване без движения, не в силах стряхнуть эту реальность привидевшейся казни. Потом резко встал, застегнул сюртук наглухо, кликнул секретаря и оповестил его, что пойдет гулять.

Император прекрасно знал, где находится военный госпиталь, и вскоре без доклада вошел в его приемную. Как всегда, медбратия забегала, засуетилась – сей секунд явились запыхавшийся генеральный директор и начальник штаба. Государь приветливо им улыбнулся, заявив, что желает пройти по палатам.

Во второй палате он увидел того, ради кого пожаловал сюда. В углу, возле уже законопаченного на зиму окна, лежал на кровати ничком унтер-офицер Струменский, повернувшись лицом к стене и свесив руки до полу. Государь сразу признал его по плешивой голове.

Видя, что император обратил внимание именно на этого больного, кто-то тут же подсказал:

– Это беглец из Семеновского полка. Наказан сегодня утром, но плох. Просил прислать священника для исповеди. Возможно, не протянет и месяца.

– А, – кивнул государь, будто одобряя полученное солдатом наказание, и прошел дальше.

Вернувшись во дворец, Александр сказался нездоровым, опять закрылся у себя в кабинете и долго не показывался. Потом, ближе к ужину, послал за Федором Кузьмичом. Тот не замедлил явиться, хотя недоумевал, к чему понадобился государю в неурочное время.

Войдя в кабинет, Федор Кузьмич увидел царя за письменным столом, тут же на столе лежала стопка уже исписанной бумаги.

– Проходи, Федор Кузьмич, садись, – кивнул император на кресло. – Ты знаешь, сегодня утром барон Дибич опять докладывал мне о заговоре во Второй армии, заодно напомнив, что об этом уже сообщал граф Вирт, а также, что имеются донесения унтер-офицера Шервуда.

– Этот заговор вовсе не секрет, Ваше Величество, – хмыкнул Федор Кузьмич. – Давно пора бы призвать шельмецов к ответу, а дворян, слушающих великоречие масонов, сослать на вечное поселение в сибирские остроги, как делал ваш батюшка. Очень жаль, что после его кончины вы вернули многих из тех, кому не место не токмо в Петербурге, а и вообще в Европе. Пока вольнодумцы и смутьяны будоражат стадо, не слушая пастуха, покоя России не будет.

– Это все понятно, – поморщился Государь. – Однако я, слушая доклад Дибича, приписывающего необоснованную важность замыслам заговора, понял, что он никогда не осо-

знает значение и силу переворота, который уже давно зреет во мне и который завершился сегодня с казнью Струменского.

– Забили насмерть? – ужаснулся камергер.

– Нет, он жив еще, – мотнул головой Государь. – Жив, но очень плох. Сколько он протянет – одному Богу известно.

– У каждого из нас своя судьба, – философски заметил Федор Кузьмич. – Знать, «Александр Второй» уже не будет наводить на вас тень своей похожестью.

– Ах, я не о том, – досадливо перебил камергера Государь. – Они замышляют заговор, чтобы на свой лад изменить образ государственного правления, ввести конституцию, свободу слова и еще несколько законов. Как раз то самое, чего я добивался двадцать лет назад!

– Quell horreur[13], – ехидно улыбнулся Федор Кузьмич.

Александр, не обратив внимания на афронт камергера, запальчиво продолжил:

– Я у же готовил конституцию для Европы! И что? Кому от этого стало хоть немного лучше, скажи на милость?! Еще тогда я задумался над вопросом: кто я такой, чтобы создавать законы для разных народов, разных укладов жизни, разных верований и конфессий? Ни единой стране, ни единому человеку это пользы не принесло. И тогда меня постигло понимание внешней жизни: не родился еще тот человек, да и вряд ли это возможно, который будет в состоянии понимать интересы народов всей земли. Дай Бог понять себя самого, понять смысл своей жизни, а не переустраивать жизнь различных народов. Истинное дело каждого человека – это только он сам! Сумеешь исправить себя – поможешь исправлению ближнего.

И вдруг мое прежнее желание отречения от престола – с общенародной рисовкой, с желанием удивить, даже опечалить людей, показать всему миру величие моей души – оказались такими мелочными и не заслуживающими внимания, что мне стало стыдно. Но важно другое! Это желание вернулось ко мне вновь! Сегодня я понял, что должен изменить жизнь не для показухи, а лично для себя. Глядя на казнь Струменского, я окончательно уверился, что пройденный мною этап светской жизни, блестящие взлеты и огорчительные падения остались в прошлом. Все это было мне нужно лишь для того, чтобы вновь вернуться к тому юношескому порыву, вызванному искренним покаянием, желанием уйти от мишурного блеска и помпезности. Но уйти, чтобы не быть камнем преткновения для людей, чтобы не иметь мыслей о славе людской, уйти для себя, для Бога! И в этом мне поможет унтер-офицер Семеновского полка!

– Не знаю, что и сказать, Ваше Величество… – смутился Федор Кузьмич.

– А ничего и не говори, – оборвал его император. – В юности это были неясные желания. Теперь же я понял, что не смогу продолжать жизнь, отпущенную мне, и не должен выполнять ту миссию, которая лежит на мне, ибо возмущение в народе есть оценка нелицеприятного царствования.

– Но как вы такое осуществите?

– Уход от власти? – переспросил император. – Уходить надо, не удивляя людей, не ища восхвалений или жалости, а так, чтобы никто не знал и чтобы родственникам и подданным не страдать за причиненные тобою беды. Уходя – уходи! Эта мысль так обрадовала меня, я ведь много раньше уже думал о приведении ее в исполнение. А тут подвернулся мой двойник. Как солдат, он рад жизнь отдать за царя и отечество, а как человек, может быть, и простит меня, когда мы встретимся у той неприметной черты, где всякий скован безволием. Знаешь, Федор Кузьмич, исполнение моего желания оказалось более легким, чем я ожидал. И поможешь мне в этом ты.

– Я?! – поперхнулся камергер. – Помилосердствуйте, Ваше Величество!

---

[13] Какой ужас! *(фр.)*

– Слышать ничего не желаю, – отрезал император. – Все равно я это сделаю, так что тебе лучше оказать мне посильную поддержку, нежели ставить палки в колеса. А намерение у меня такое: я уже сказался сегодня нездоровым. Утром день тезоименитства брата Николая. На службу в церковь я не пойду. Вместо этого отбуду в Таганрог на лечение в сопровождении князя Волконского, барона Дибича, ну и конечно же ты составишь мне компанию. Не знаю, Елизавета Алексеевна готова ли сей час отправляться из столицы, но в противном случае прибудет в конце сентября. Ей тоже необходимо лечение.

– Почему именно в Таганрог? – удивился Федор Кузьмич.

– Потому что там объявился какой-то сильный маг-целитель, которого даже православные батюшки признают.

– Ну и что?

– А то, – голос императора принял жесткость, как при отдаче приказов. – Елизавета Алексеевна должна поправить здоровье. А мой экипаж, не доезжая до Таганрога, перевернется и свалится в ров, потому что кони понесут. Естественно, я погибну. Тело мое доставят в цинковом гробу прямо в военный госпиталь, где к тому времени уже скончается Струменский. Через неделю это случится или через месяц – роли не играет. Мы подождем. Но поелику он похож на меня, труп надо положить в гроб и совершить Государю всея Руси заупокойное отпевание с погребением в царской усыпальнице Александровского собора. Все это поможешь мне сделать ты, Федор Кузьмич. Это моя последняя воля, так что возражения не принимаются.

– А куда ж вы, Государь? – жалобно пискнул камергер.

Растерянная физиономия Федора Кузьмича вызвала на лице императора веселую улыбку:

– Я, друг мой, пойду каликой перехожим по нашей России-матушке, как призывает меня отец, – Государь даже поднял вверх указательный палец. – Поживу сначала в Крыму. Потом, когда все поутихнет, пойду, скажем, под именем странствующего монаха Федора Кузьмича в обитель пророка Серафима Саровского и попрошусь пребывать у него в послушниках. По-моему, придумано неплохо. Вот только без твоей помощи не обойтись.

– Не могу я, Ваше Величество, – возопил камергер. – Я родился казаком и за вас жизни не жалел. Вы за заслуги мои возвысили меня до чина камергера, равнодействующего генеральскому званию, а сейчас… Что хотите делайте, а не сумею я народ обмануть!

– Сумеешь, Федор Кузьмич, сумеешь, – уверенно подчеркнул император. – Тогда и заговорщикам меня умертвить не удастся, и брат мой Константин… нет, я хотел сказать Николай, взойдя на престол, сможет им хвосты накрутить! Так что это отнюдь не сумасбродное желание капризного самодержца, а слово и дело во имя исцеления Государства Российского. Поэтому, ежели тебе дорога Россия, делай, как велено. А мне… мне Бог поможет…

– А не лучше ли, Ваше Величество, – робко предложил камергер, – дождаться смерти Струменского, никуда не выезжая? Потом подкупить врачей, и они привезут в ванне ночью тело унтер-офицера, и мы его подменим прямо здесь, в ваших покоях.

– Э-э, нет, господин хороший, – поморщился Александр. – Мне даже откровение было оттуда! – Он снова поднял указательный палец вверх и остро взглянул на камергера. – Понимаешь, если тело мое привезут в военный госпиталь в закрытом гробу, то никто особо просить не будет о вскрытии крышки, разве что императрица. Но Елизавета Алексеевна сама сейчас больна чахоткой и ей не до того. Моя матушка Мария Федоровна сразу доставленный гроб вскрывать не прикажет. А если ухаживать за телом слуги будут здесь, в моей опочивальне, то соберется чуть ли не весь двор, включая низших лакеев. Кто-нибудь да заметит раны от шпицрутенов на спине. Мало ли чего! Так что, с Божьей помощью, поездка моя состоится. Ты же проследишь, чтобы тело преставившегося Струменского держали на льду. А меня, думаю, доставят в Петербург к тому времени, когда Господь повелит. Так что, Федор

Кузьмич, выручай. Надежда только на тебя, потому как я давно уже не верю даже преображенцам и семеновцам, памятуя о смерти моего батюшки. Но в Евангелии сказано, что если двое собрались во Имя Господа нашего, там и Бог между ними.

– Так ведь это же о брачном союзе сказано, Ваше Величество!

– У нас тоже союз, – возразил Государь. – Только дела наши послужат спасению державы от смут. Ну, с Богом…

Вскоре, после недолгих приготовлений к поездке в Таганрог, Государь забылся сном, и ему привиделось, что из Петербурга ведут две дороги. По обеим шел он сам. Только по одной – в сопровождении толпы лакеев, слуг и почитателей, а по другой – в монашеском подряснике, с котомкой за плечами и длинным посохом в руке, украшенным медным набалдашником с крестом. Даже во сне Александр, не колеблясь, выбрал вторую дорогу – коль выпало нести крест свой в странствиях, так от этого никуда не денешься.

Глава 2

Давид брел сонной Москвой, никуда не спеша и не выбирая, по какой улице идти. Незапланированные прогулки давно уже стали для него особым допингом. Радовало также, что Москва вроде бы утихомирилась и в людных местах давно уже не вспыхивали никакие разборки за передел «крыш», а лицам кавказской национальности, заполонившим столицу, неожиданно укоротили руки начальствующие органы новой полиции.

Хотя какая она, к лешему, «новая»?! Государственное коммунистическое правительство в 1990-х годах прошлого века старым казачьим способом сменило свои таблички на «демократов», а теперь и «менты» превратились в «понты», только и всего. Но небольшая встряска исполнительных органов не прошла незамеченной. Несколько журналистов, друзей Давида, докопались до незарегистрированных умопомрачительных «заработков» высшего офицерского состава бывшей милиции. Генералов, конечно, не посадили, президент защищает своих, но штат государственных прихлебателей уменьшился. Сам Давид работал редактором довольно известной в России и на Западе газеты «Совершенно секретно», поэтому относился серьезно даже к малым победам над мародерствующим населением Кремля и русского Белого дома.

Он свернул за угол и отметил, что оказался на Сретенке. Путь его шел как раз в сторону Лубянского саркофага.

– Это символично! – пробормотал Давид.

Парень прошагал до «сорокового» продуктового магазина и повернул налево, поскольку, если ноги непроизвольно занесли его в это место, то надо бы поближе познакомиться с Домом Чертковых на Мясницкой улице.

Судьба здания оказалась настолько удивительна, что по событиям, происходившим внутри и вокруг Дома Чертковых, удалось бы снять не один детективный фильм. Но криптографическая история, то есть намеренное замалчивание чего-то стоящего, после победы исторического материализма тянулась красной линией политики Государства Российского. Бандитский принцип «отнять и разделить» до сих пор оставался одним самых главных.

Однако закон этот по-своему перестроился: в XXI веке уже никто из государственных воров ни с кем и ничем не делился. Многие просто пытались урвать недоворованное и продать за границу еще нераспроданное из имущества бывшего сильного государства. К чему приводит такая мышиная возня – давно известно. Только вот нет пока на Руси новых Минина с Пожарским. Или возникнут они после 22 октября 2012 года, ровно через 400 лет, как однажды уже спасли Россию от смуты – и не надо будет предсказателям оглядываться на календарь майя и провозглашать 2012 год началом Апокалипсиса…

Дом Чертковых на Мясницкой стоял, покрытый зеленой строительной сеткой, но никаких видимых работ внутри здания и по фасаду не проводилось. Все было в замороженном состоянии. Кто же сейчас действительный хозяин удивительного дома?

– Похоже, придется заняться люстрированием, – пробормотал Давид.

Он еще не знал, с каких позиций начинать это самое люстрирование, но понял, что без данного определения нынешнего хозяина особняка дело с места не сдвинется. Если же удастся вычислить владельца, то станет возможным открытие новой библиотеки во флигеле, к примеру. Ведь недавно обнаружилось, что один из графов Чертковых подарил государству Российскому 55 000 уникальных книг. Все книги хранятся в подвале Дома на Мясницкой, то есть библиотека гниет, не принося пользы. Нынешнему смутному правительству глубоко наплевать на какую-то там библиотеку. Если кому нужно развлекаться, то пусть-де до посинения просвещается в Интернете на фоне порно или идет в ночные клубы, чтобы под глу-

шащие сознание ритмы пропустить стаканчик-другой и подсесть на иглу. А книги – нет, увольте!

Для Давида в этой ситуации было немаловажной информацией, что среди старинных рукописей, гниющих в Доме Чертковых, есть сведения о библиотеке Ивана Грозного! Парень небезосновательно полагал, что в библиотеке Чертковых имеются книги из исчезнувших манускриптов царя Ивана. Всему миру известно, что это – бесценный клад, множество высказываний мудрецов всех стран, времен и народов, уникальные мысли не менее уникальных личностей, которые для нынешнего поколения технократов могли бы стать основанием для создания не только каких-нибудь приборов, но и целых наук. Это неудивительно: еще Жюль Габриель Верн определил девиз одному из своих героев: «Подвижное в подвижном». Значит, если следы ненайденных древних манускриптов хранятся в подвале Дома на Мясницкой, то глупо не стараться докопаться до них!

Тут из подворотни Дома вынырнул какой-то мужчина в черной форме, очень похожий на охранника. Он практически кинулся на праздно шатающегося одинокого парня, но тот оказался не пьян и ловко увернулся от нежелательных объятий «охранника». В это время на другой стороне улицы раздался женский смех. Видимо, девчонки возвращались с вечеринки и делились впечатлениями друг с другом. Мужчина недовольно зарычал, сплюнул в сторону подгулявших девочек и, оглядев недовольным взглядом кружившего вокруг дома молодого человека, брюзгливо спросил:

– Тебе чего здесь надо, а?

– Да ничего вообще-то, – пожал плечами Давид. – Гуляю.

– Вот и гуляй себе подальше отседова, – просипел охранник. – Ходют тут всякие… Шпана недорезанная…

Давид решил посмотреть на себя со стороны: парень как парень, не пьяный, не хулиган, не пытается помочиться возле забора… Правда, джинсы рваные и футболка с непонятным рисунком… Нормальная одежда! Не на прием же! Только здесь правило «встречают по одежде», похоже, сыграло свою историческую роль. Пора убираться подобру-поздорову!

– Скажите, – решил успокоить охранника Давид. – А на работу к вам устроиться можно?

– На работу?! – мужик оторопело уставился на ночного гостя. – Ага! Прямо сейчас! Иди-ка лучше, не буди во мне зверя. – Охранник сверкнул на Давида оскаленной пастью, и тот непроизвольно отшатнулся.

Оказывается, в действительности бывают люди с плотоядным оскалом упыря или еще какого-нибудь инфернального чудища. Давиду до сих пор казалось, что такое можно увидеть только в плохих голливудских «ужастиках», но факт оставался налицо. Чтобы не создавать лишней напряженности, следовало спокойно ретироваться, а днем выбрать время, чтобы узнать хоть что-нибудь о нынешних хозяевах и можно ли взглянуть на хранящиеся в Доме бесценные книги?

Давид хмыкнул, покачал головой для приличия и отправился вверх по Мясницкой к Чистым прудам. Быть может, метро еще не закрылось и, если повезет, до дома поезд домчит за несколько минут.

Ему часто приходилось пользоваться метрополитеном на грани закрытия. Сейчас циферблат часов показывал без семи минуть час. Значит, до закрытия оставалось всего ничего, а до станции Лубянка гораздо ближе, чем до Чистых прудов. Парень развернулся и вприпрыжку поспешил к ближайшей станции метрополитена.

В подземном переходе вход на станцию был недалеко от лестницы, но стеклянные двери уже закрывали две заботливые служительницы. Давид успел протиснуться в еще не закрытую дверь, на всякий случай извинился перед работницами и помчался вниз по уже выключенному эскалатору.

Внизу платформа, на удивление, оказалась далеко не пустой. Среди последних пассажиров-экстремалов присутствовала даже хорошенькая девушка в красивом вечернем платье из шифона и туфельках на шпильках. Прическа у нее тоже, вероятно, была приготовлена для какого-нибудь «сейшена», но ее скрывала элегантная шляпка, чуть надвинутая на глаза, и чтобы посмотреть, скажем, на часы, висящие над линией метрополитена, красавице приходилось чуть-чуть откидывать головку назад. Стороннего наблюдателя это интриговало и завораживало.

Остальные, ожидающие последнего поезда, особым видом или поведением похвастаться не могли. Поэтому Давид отрешенно скользнул взглядом по трем приятелям, живо обсуждающим какие-то свои мальчишеские проблемы, по офицеру общевойсковых подразделений, одетому, несмотря на жару, в форменный плащ с погонами и по припозднившейся в гостях старушке. Естественно, взгляд парня вернулся к молодой авантажной девушке.

Она тоже посмотрела на вновь прибывшего пассажира оценивающим взглядом. Женщины умеют так смотреть с особым, ни к чему не обязывающим шармом, но эта посчитала, что дежурный взгляд можно и задержать на несколько секунд подольше установленного лимита. Возможно, она тоже пыталась определить характер каждого из присутствующих. А возможно, сам Давид заинтересовал ее своей искоркой во взгляде – женщины чувствуют, как никто другой, в заинтересовавшем их мужчине ту самую опору, с которой можно не только развлечься, но и решить кое-какие проблемы, чтобы не бояться за завтрашний день.

И тут вдруг либо пол дрогнул от могучего магнетического вихря, либо атмосферное давление зашкалило, только все присутствующие почувствовали свалившуюся на них мертвую тишину. Такое можно испытать, оказавшись глубоко под землей, когда спелеолог теряет ориентиры и мечется по замкнутому пространству. Потом он останавливается, старается успокоиться и проанализировать ситуацию. Вот тут-то на него и сваливается хищная пещерная темнота, духота и давящая виски тишина. Фонарь, если еще горит, тут же гаснет, не оставляя надежд на спасение, и темень принимается захлестывать горло петлями паутины, завладевая всем человеческим телом, как паук, который педантично пеленает пойманную муху в тонкую шелковую сеть.

Именно это сейчас и происходило на станции метро «Лубянка». Может быть, определенную роль сыграло недалекое присутствие глубоких подвалов Лубянского саркофага времен Феликса Эдмундовича, где все – и каменные ступени, и бетон пола – насквозь пропиталось реками человеческой крови? Может быть, именно на этом холме города находилась какая-то мощная энергетическая точка, в которой схлестывались положительная и отрицательная энергия, как мускулистые струи проснувшейся реки в половодье? Как бы то ни было, а запоздалые пассажиры прижались к мраморным бокам толстых колонн станции и со страхом ожидали чего-то непредвиденного, что должно сей секунд грянуть громом поднебесья и рассыпаться тысячами шаровых молний по каменному полу.

Ближе всех к черному зеву туннеля находилась дежурная станции одетая в официальную форму и держащая в руках жезл с красным кружком. Служащая метро тоже не смогла вынести давящую на сознание тишину и беспомощно опустилась на край длинной скамейки. Лишь на секунду она обернулась к ничего не понимающим пассажирам и прокричала:

– Путевой обходчик!..[14]

Что этой фразой хотела сказать женщина, никому не было понятно, но люди сбились в маленькую стайку, словно стадо испуганных овец, и безмолвно уставились в пещерное чрево тоннеля, откуда уже пахнуло пронзительным холодом вперемешку с тухлым запахом разлагающегося трупа. Холод, потянувшийся из туннеля, уже осел инеем на бетонном полу

[14] В Московском метрополитене неоднократно возникали подобные случаи, многие из них зарегистрированы.

и мраморных стенах станции. Но ведь дежурная крикнула «путевой обходчик», так откуда же у живого путевого обходчика может возникнуть запах разлагающейся в жару говядины?

Давид оказался рядом с понравившейся ему девушкой, а та, будто бы ища защиты, непроизвольно ухватила парня за руку. Избранный в защитники, он ошалело взглянул на девушку и прочел в ее глазах такую мольбу о помощи, что сам ободряюще похлопал ее по руке:

– Ничего не бойся. У меня найдутся силы заступиться за женщину…

– Хорошо бы, – ответила девушка.

Больше она ничего произнести не сумела, да и не успела бы, потому что из пещерного туннеля послышались громкие шаги, будто Каменный Гость пожаловал в метрополитен и шагал за нашкодившим Дон Жуаном, чтобы забрать его в царство вечного холода и мрака на вечные муки. В следующий момент клубок темноты выплеснулся из туннеля, будто молоко, сбежавшее из кастрюли. Сгустки мрака растеклись по рельсам и стенам, освобождая путь следующей волне мрака, хлынувшей из горлышка туннеля…

С третьей волной из пещерной темноты вынырнула фигура человека двухметрового роста. Человек передвигался на негнущихся ногах меж рельсами. В полусогнутой руке он держал керосиновую лампу. Лампа конечно же не горела, но сам этот предмет в руке путевого обходчика завораживал, будто зеркальный шарик в руках гипнотизера. Черный человек поражал не только своим появлением из ночного туннеля и невообразимой походкой. Он на первый взгляд казался обыкновенным служащим метрополитена в форме, но жуткий могильный холод, сопровождающий пришельца, испугал бы любого неустрашимого супергероя. Худое лицо его в нескольких местах было испачкано сажей. Хотя чего в туннеле не бывает?

Когда путевой обходчик проходил мимо дежурной, примостившейся на краю лавочки, из ее горла вырвался сдавленный крик. Вернее, женщина хотела было закричать, но, кроме хрипа, у нее ничего не получилось. Тем не менее путевой обходчик остановился, посмотрел на дежурную и что-то тихо произнес. Дежурная сразу же замолчала и, неподвижно застыв, свалилась с лавки на пол. По всей станции метро пронесся глухой стук, будто не эта живая женщина упала на пол, а ее гипсовая или мраморная статуя.

Долговязый обходчик направился дальше. Чем ближе он подходил к сбившимся в кучку «испуганным овцам», тем сильнее те прижимались друг к другу, чувствуя, что рядом с обходчиком шествует сама госпожа Смерть. Об этом им говорило не только внутреннее человеческое чутье, но и все тот же усиливающийся холод. Казалось, если долговязый задержится на станции, то все живое обязательно обледенеет, а люди попадают на пол с таким же деревянным стуком, как дежурная метрополитена.

Давид решился посмотреть в лицо путевому обходчику. Сначала ничего, кроме пятен сажи, на изможденном худом лице он не увидел. Но заглянув ему в глаза, парень понял, что перед ним настоящий призрак! На черепе, обтянутом кожей, на месте глаз оказались вовсе не бездонные провалы, с какими художники любят изображать мертвых. Глаза долговязого призрака были настоящими, живыми и горящими! Горящими таким неземным огнем, что каждый, взглянув в них, мог в мгновение ока лишиться разума.

Путевой обходчик остановился во второй раз. До него по прямой оставалось не больше пяти метров, но все сбившиеся в кучу пассажиры опустили головы, а знакомая незнакомка даже пыталась спрятать изящную головку на груди у своего обретенного защитника. Шляпку она давно уже потеряла, и иссиня-черные волосы ее чем-то напоминали цвет пещерной темноты, вырвавшейся из туннеля. Но о какой шляпке можно думать, когда рядом разгуливает отбирающая жизнь персона, встречи с которой так нежелательны для человека?

Давид снова посмотрел в глаза незнакомцу и заметил кривую усмешку, пробежавшую тенью по тонкому провалу рта.

– Ты не боишься смотреть на меня, и это хорошо! – голос путевого обходчика раздался в ушах Давида, хотя само привидение на этот раз никаких слов не произнесло.

– Почему? – осмелился спросить Давид.

– Потому что тебе не раз еще придется заглянуть в глаза смерти. Если ты не испугался сейчас, то, возможно, не испугаешься и в грядущем.

– А нельзя ли без этого? – отважился на второй вопрос собеседник привидения.

– Не играй со смертью, она этого не любит, – ответил путевой обходчик. – Но помни, только любовь сможет указать тебе дорогу к решению проблемы… – сказав это, долговязый двинулся дальше.

Скоро темнота и холод уплыли в другой конец туннеля, заодно унося с собой страхи, дрожь, слезы и прочие атрибуты мистического явления.

Первым делом Давид попытался заглянуть в лицо спрятавшейся у него на груди трепещущей птичке:

– Ты еще боишься? Успокойся. Все прошло, все кончилось.

– А что это было? – девушка подняла на своего защитника полные слез глаза. – Ты знаешь?

Давид увидел в ее глазах свое отражение и по спине парня пробежали холодные мурашки:

– Это ж надо!

– Что надо? – не поняла девушка.

– Да так, ничего, – отмахнулся он. – Просто показалось.

– Наверное, вы взглянули в глаза призраку и ничего не увидели, кроме пламени онгона[15], – предположила девушка. – А когда посмотрели в глаза мне, то там, вероятно, светилась какая-то жизнь?

– Это ж надо! – как заведенный повторил Давид. – Лучше скажи, мы опять на «вы»?

– Да нет вроде бы, – пожала девушка плечами. – Только…

– Все-таки «да» или «нет», или «вроде бы»? – не отставал Давид.

– Да ну тебя! – рассмеялась девушка.

– Вот это уже хорошо, – отметил парень. – Возвращаемся к жизни.

Тут от лавочки, с которой свалилась на пол дежурная, раздался мужской голос:

– Эй, подойдите кто-нибудь сюда! Женщине надо помочь!

Компанию еще не успевших разбрестись пассажиров звал военный. Видимо, он первый решил посмотреть, что случилось с работницей метрополитена. Женщина не приходила в сознание. Требовалась чья-то помощь.

Давид и трое молодых людей поспешили на зов. Все вместе они сумели-таки поднять пострадавшую и положить на лавочку. Только живой ее назвать уже было нельзя. Пульс на руке не прощупывался: рука и все тело женщины было будто отлито из гипса, она походила на статую из музея восковых фигур.

– Путевой обходчик свое дело знает, – послышался скрипучий старческий голос.

Мужчины оглянулись. Пока они укладывали окаменевшее тело женщины на лавку, к ним успела подойти старушка. Она с любопытством рассматривала не подававшую признаков жизни дежурную метрополитена.

– Что вы имеете в виду? – спросил ее офицер.

– Что имею, то и говорю, – отрезала старушенция. – В тридцатых годах прошлого столетия строительство метро в Москве шло полным ходом. Так вот, машинист одного из поездов пожертвовал собственной жизнью ради спасения всего состава и бывших в нем пассажиров. А дежурная по станции заявила, что крушение поезда произошло по вине этого

[15] Пламя онгона – адский огонь. В тэнгрианстве онгоны в основном – изображения огненных богов.

машиниста, дескать, что с мертвого взять – ему уже все равно. Только не учла она установок советского правительства. Чиновники ухватились за бабье обвинение и не выделили семье машиниста полагающуюся в таких случаях пенсию. В результате мать и трое детей машиниста умерли голодной смертью, а самый младший затерялся в детских домах Страны Советов. Тогда шуму много было, да что толку? Умерших уже не вернешь… Вот и мотается душа машиниста по ночным станциям метро. А когда увидит кого-нибудь в форме работника метрополитена, то в камень его превращает…

– Вы с ума сошли! – возмутился офицер. – Такого просто не может быть!

– Эх-хо, – вздохнула старушка. – У вас, верных ленинцев, на все один ответ. Хотя это «не может быть» происходит каждый день.

– А ведь бабушка права, – негромко произнесла новая подружка Давида. – Я сама видела привидение в метро. Причем среди бела дня!

– Интересно, – откликнулся парень. – Такие же покойнички, как этот, приглашали тебя на дискотеку?

– Да нет, я, правда, видела! – воскликнула девушка.

– Так «да», или «нет», или «правда»? – опять поддел девушку Давид. – Ты повторяешься, подруга.

– Да ну тебя, – отмахнулась та. – Ты мне не веришь?

– Почему не верю, – пошел Давид на попятную. – После сегодняшнего видения во всякое верить начнешь. Тем более, дежурная так и лежит на лавке, будто каменная статуя. Так что же с тобой случилось?

– Я живу на Первомайской. Это произошло 14 мая 1999 года в метро на отрезке пути между станциями Измайловский парк и Первомайская. Вечером я села в поезд и поехала в гости к подружке. Когда поезд вынырнул из туннеля на опушку Измайловского леса, я случайно взглянула на часы, вот почему все так подробно помню. В седьмом часу вечера мы выехали из подземки и стали приближаться к Измайловской.

Неожиданно свет за окнами померк, вагон содрогнулся, как от подземного толчка. Я вцепилась в поручень, но вдруг тьма исчезла, за окнами снова засветило солнце. Когда я взглянула в сторону леса, то не поверила своим глазам – вместо привычной картины с гуляющими по парку людьми я увидела лошадей с несущимися на них всадниками. Люди были одеты в гимнастерки и шинели времен Гражданской войны, лица перекошены от напряжения, земля перепахана разрывами снарядов. Кругом – невообразимый грохот, отдельные выстрелы перемежались с пулеметными очередями… Пассажиры в вагоне окаменели от изумления. «Наверное, кино снимают», – предположил кто-то. Тут дикторский голос объявил: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Первомайская».

Люди уже начали отворачиваться от окон, как вдруг в одно из них, как раз напротив меня, со страшным ржанием ввалился гнедой жеребец с подкошенными передними ногами. Клянусь, я чувствовала его горячее дыхание, видела пену, валившую изо рта. Меня обуял ужас, всего лишь какие-то сантиметры отделяли от обезумевшего животного. В последний миг конь, уже почти доставший копытами до моей груди, вдруг начал таять на глазах и исчез.

Пассажиры, ставшие свидетелями происшествия, долго не могли прийти в себя и громко обсуждали увиденное. Сойдя на нужной остановке, я машинально сверила часы с электронными, висящими на всех станциях метро. Мои часы отстали на пятьдесят минут…

– М-да, – хмыкнул Давид. – А этот случай действительно видели многие?

– Конечно, – кивнула головой девушка. – Одна тетка даже спросила: не поранил ли меня конь копытами?

– Послушай, выходит, ты уже второй раз знакомишься с инфернальным миром? – уточнил Давид.

– Выходит так, – согласилась девушка. – Я в гости к привидениям не прошусь, это они сами приходят. Но случай в Измайловском парке подтолкнул меня к знакомству с московскими диггерами.

– Вот как? И что, познакомилась?

Девушка улыбнулась:

– Я нашла их в Интернете и рассказала свою историю, а они поделились со мной тем, с чем сталкивались сами. Оказывается в московской подземке много захватывающего ум, интересного, и даже ужасного.

– Например?

– Ты спрашиваешь так, как будто бы только что сам не видел, – укорила девушка собеседника. – Странно как-то.

– Да нет, наверное… – принялся оправдываться Давид. – Просто интересно.

– Так «да», «нет» или «наверное» интересно? – поддела его девушка.

– Тебе палец в рот не клади…

– Просто в следующий раз подумай, прежде чем над девушкой издеваться, – отрезала собеседница. – А если действительно интересно, все, что знаю, я тебе чуть позже расскажу.

Девушка прервала разговор потому, что за это время присутствующий в их команде офицер успел подняться наверх и привел с собой двух милиционеров-полицейских. Форму им пока никто не менял, хотя правительство нынешней России уже провело операцию смены вывески в проворовавшейся организации, дескать, новые «понты» закона нарушать не будут, потому как работают под другой вывеской.

Спустившийся в метро лейтенант и сопровождающий его сержант попросили троих молодых парней помочь им отнести окаменевшую дежурную в оперчасть. Военный увязался следом. На платформе остались только старушка и Давид с девушкой.

И вдруг черноту туннеля прорезал свет надвигающегося из шахты подходящего поезда. Последний поезд все-таки пришел! Он оказался обычным, редкие пассажиры в нем тоже не вызывали никакого подозрения.

Когда открылись двери, трое пассажиров, дожидавшихся на платформе этой «последней лошади», с опаской вошли в вагон. Ничего необыкновенного не произошло. Лишь бабушка еще раз подошла к Давиду и подняла на него старческие, но удивительно пронзительные глаза:

– Не забывай, сынок, что только любовь к людям поможет тебе разобраться в собственных проблемах. Привидения очень редко разговаривают с живыми, а если что-то произносят, то это надо запомнить навсегда.

– Вы тоже слышали, что сказал путевой обходчик?

– Я много чего слышу, сынок, – улыбнулась старушка. – Годы заставляют… Ладно, не буду вам мешать, – бабушка отошла и присела напротив.

А девушка поспешила сказать Давиду, что следующая станция – «Охотный ряд» и что ей надо выходить.

– Ага, – уточнил парень. – С «Охотного ряда» на «Театральную», оттуда на «Площадь революции» и дальше – на «Первомайскую»?

– Именно так, – подтвердила девушка.

– Хорошо, – согласился Давид. – На «Первомайскую», значит, на «Первомайскую». Но Щелковская линия самая длинная. Может, там последний поезд чуть позже пройдет.

– Именно так. Неужели ты со мной?

– Куда ж я тебя посреди ночи отпущу? – возразил Давид. – И вообще мы столько времени уже знакомы, столько успели испытать, а я до сих пор даже твоего имени не знаю! Меня, например, Давидом зовут.

– Ой, – хихикнула девушка. – Еврей, что ли?

– А ты вроде бы не похожа на антисемитку. Или я ошибся?

– Не ошибся, – не скрывала улыбки девушка. – Но твое имя настолько необычное! Если твои родители назвали тебя так в честь царя Давида, то они возложили на твои плечи такую ответственность, от которой обыкновенный человек сходит с ума, а гения отовсюду гонят и шарахаются от него, как от чумного.

– Да, ты угадала, – кивнул Давид. – Родители действительно выбрали мне имя в честь царя Давида-псалмопевца, потому что день памяти ему отмечают сразу после Рождества Христова, а меня угораздило на свет появиться под Новый год. Естественно, мои родители узрели в явлении ребенка на свет в необычный день отметину избранности, что ли.

«Избранность» мне довелось испытать еще в школе. Из-за еврейского имени мне привесили кличку «Пархатый» и возвращать настоящее имя пришлось с помощью кулаков. Это первая ступень обучения жизни. Вторая – это когда пришлось прятать от родителей стихи.

– Так ты к тому же и псалмы писать начал?

– Какие, к лешему, псалмы, – отмахнулся Давид. – Хотя есть некоторые духовные откровения.

– Ой, прочитай, пожалуйста!

В это время поезд остановился на станции «Охотный ряд», и, пока парочка переходила на «Площадь революции», Давид решил преподнести своей новой подружке философское стихотворение с допустимым в таких случаях ерничеством:

Абрис – образ – образа.
Херувимов голоса.
И шагреневая даль
истончается в вуаль,
судным светом бьет в глаза.
Абрис – образ – образа.
Да еще под сердцем боль.
Опереточная роль
у тебя, крылатый сфинкс.
Слышишь в зале шум и свист?
Впрочем, это же не здесь.
Абрис – образ…
Кружит взвесь
Под апсидой[16] храма в круг.
Кто ты, недруг или друг,
средь пустыни ждешь меня?
Факел мертвого огня
у тебя горит в руке,
чертишь знаки на песке.
Абрис – образ – образа…
Не молитва, а гроза
у меня в душе горит.
Каин Авелем убит.
Черный, в копоти, кивот,
и распятый там – не тот.
В окна – неба бирюза.
Абрис – образ – образа…

[16] Апсида – выступ здания, полукруглый или граненый.

– Здорово, – отозвалась девушка. – Я бы так не смогла.

– Ага, – отметил парень. – Значит, мы тоже что-то пописываем? Впрочем, девчонки почти все через стихотворное словоблудье проходят.

– Не совсем так, – возразила новая знакомая. – Но я вполне понимаю тех, для кого стихотворный язык с детства был средством общения. Я, например, часто писала ни к чему не обязывающие стихотворные рисунки:

На солнечной милой планетке,
где только покой да уют,
растут на деревьях монетки
и три статуэтки живут.
Грызут обезьянки бананы,
от дождика прячутся в тень.
И пляшут под бубен бараны,
когда им бодаться не лень.
А три статуэтки-кокетки
веселые песни поют
и дарят баранам конфетки,
и три апельсина жуют.
На солнечной милой планетке,
там можно капризничать всласть.
А вам не хотелось бы, детки,
на эту планетку попасть?

– Ух ты! – воскликнул Давид. – Просто удивительно! У пацанов ни времени, ни чувств на такое никогда не хватает. А когда рады бы что-то выразить необыкновенное, не как у всех, то восприятие тонких материй уже отставлено и невостребованное утрачено навсегда. Недаром же Христос говорил, что у имеющих прибавится, а у неимущих отнимется последнее, то есть не зарывай свой талант в землю, чтобы его совсем не потерять.

– «Всякое писание богодухновенно и полезно есть[17]», значит, тебе не зря такие мысли в голову приходят, – подытожила девушка. – Ведь нынешний патриарх Кирилл еще в 90-х годах прошлого столетия какими-то путями получил от государства лицензию на импорт табачных изделий Европы. По всем городам смутной советско-демократической России появились ларьки, где малолеткам продавали пиво, сигареты в любом количестве и паленый спирт «Ройял». То есть пастух травил ягнят своего стада, но получал за это благословение золотого тельца. Вот и выходит, что

«…Каин Авелем убит. Черный, в копоти, кивот да распятый там – не тот».

– Странно, – Давид искоса посмотрел на подружку. – Я раньше не задумывался над тем, что написал. А ты разложила все по полочкам. Странно!

– Что тебе не понятно? – ядовито скривила губы его собеседница. – Странно, что страну нашу превращают в помойку? Или что никогда ни одна кухарка не сумеет управлять государством, как завещал «великий Ленин»?

– Ладно тебе, – попытался унять девушку Давид. – Расскажи лучше о странностях метрополитена. Меня это больше сейчас интересует. Притом, ты обещала рассказать.

– Конечно, расскажу, – согласилась девушка. – Мы с тобой сейчас находимся на «Площади революции».

---

[17] Василий Великий (2 Тим. 3:16)

– Да, я знаю.

– Но ты не знаешь того, что здесь несколько раз видели огромную гусеницу больше полутора метров в длину с раздвоенным хвостом, украшенным костяными иголками, как у скорпиона. Правда, гусеница еще никого не успела ужалить, ей все вовремя уступали дорогу, но факт появления или мутации каких-то подземных существ неоднократно замечен.

– Сбываются предсказания Герберта Уэллса… – хмыкнул Давид. – Он в одном из своих романов упоминал о подземных жителях. Нищие, бездомные и никому не нужные люди переселились под землю и начали жить и развивать свою цивилизацию. Уэллс их называет морлоками.

Глаза девушки вспыхнули болезненным блеском искателя истины, отстаивающего свои убеждения:

– Именно так!.. А между «Тульской» и «Нагатинской» также неоднократно видели человеко-обезьяну с телом, покрытым бесцветной шерстью. А на станции «Сокол» – привидений. Настоящих! Чаще всего их видят работники метро. Служащие постоянно чувствуют там потустороннее присутствие каких-нибудь призраков, как будто кто-то тайком наблюдает за ними. Некоторые рассказывают о призрачных фигурах, появляющихся на станции, когда там еще нет пассажиров. Предполагаемая причина аномальных явлений – находившееся неподалеку огромное кладбище, где хоронили воинов, погибших в Первой мировой войне. Могилы не перенесли, как полагается, с соответствующими обрядами, а мрамор с надгробий использовали в отделке новых станций. Такое, как известно, бесследно не проходит. А воздействие негативных факторов в подземке усиливается в несколько раз по той простой причине, что там нет солнечного света, который является естественной преградой для отрицательной энергии. Для подземных жителей солнечный свет не очень-то приятен… Диггерам врать незачем, а их «страшилки» не хуже американских «ужастиков».

– Может, что-нибудь присочиняют? – предположил Давид. – Так же, как рыбаки возле костра хвастаются, кто и какую рыбу сумел подцепить на крючок.

– Не думаю, – упрямо мотнула головой девушка. – В общем, столичные диггеры утверждают, что все городские коммуникации давно обжиты привидениями. В мрачных подземных тоннелях можно встретить оборотней, гномов и таких тварей, у которых и названий-то нет. Диггеры сами придумывают им имена – «глюки», «ползунки», «мешки», «фонарики», «хохрики»…

– Хохрики? – перебил девушку Давид. – Вот откуда в московском сленге появилось это слово.

– Ну да, – согласилась та. – Я сама не очень-то им верила, пока мне на компьютер не сбросили несколько фотографий подземных жителей.

– Так они у тебя есть? Здорово! Надеюсь, покажешь?

– Покажу… – девушка ненадолго замолчала, видимо, выбирая дату, когда сможет показать новому приятелю интригующие фотографии.

Наша парочка уже доехала до метро «Первомайская» и шла сейчас по одноименной улице вдоль трамвайных путей.

Возле дома на углу 11-й Парковой девушка остановилась.

– Вот здесь я и живу, – она посмотрела в глаза Давиду, как будто хотела о чем-то спросить, но не решалась.

– Ты что-то хочешь узнать? – помог ей парень.

– Да, – кивнула девушка. – Ты меня проводил, спасибо. А как же сам? Ведь метро уже не работает.

– Ладно тебе, успокойся, – отмахнулся Давид. – Я – мужчина. Не пропаду.

– Ну, уж нет! – тряхнула головой девушка. – Пойдем ко мне, – это было произнесено таким тоном, что возражать не осмелился бы самый упрямый из мужчин.

Давид пытался никогда никому не доставлять неудобства, тем более своей персоной. Но девушка решительно взяла его за руку и потащила в подъезд.

– Только нам надо пробраться, что называется, на цыпочках, – предупредила она. – Я здесь комнату снимаю, и хозяева не любят, когда я поздно прихожу.

– Такое случается часто? – ухмыльнулся Давид.

– Тихо ты, – одернула девушка. – А то, учитывая твое еврейское имя, получишь обрезание… языка!

– Языка?!

Парочка, стараясь не шуметь, пробралась в комнату девушки. Закрыв за собой дверь и включив настольную лампу, она облегченно вздохнула, будто тонкие стены комнаты были непреодолимой преградой для остального недружелюбного мира. А в комнате и диван-кровать, и письменный стол, и небольшой шкаф – были настолько знакомы, что, казалось, не дадут свою хозяйку никому в обиду.

– Только предупреждаю, – девушка обернулась к Давиду. – Веди себя прилично…

Может быть, парень послушался бы увещеваний хозяйки, но на сей раз она оказалась так близко, а в девичьих глазах плясал такой огонь, что гость не сдержался и поцеловал ее. Она почти сразу ответила на поцелуй, обняла… Надо ли говорить, мужчины даже не предполагают, что они никогда не участвуют в выборе? Выбирает только женщина, и только женщина решает: разрешить ли мужчине познакомиться с ней поближе или послать в Америку картошку копать…

Утром Давид проснулся от того, что хлопнула входная дверь квартиры. Видимо, хозяева благополучно ретировались по своим делам. Новая знакомая Давида мирно дремала у него на плече. На ее губах играла необыкновенно счастливая улыбка, будто она мечтала о такой ночи всю сознательную жизнь.

– Но имя свое так мне и не назвала, – вздохнул Давид.

Глава 3

Августовская прохлада, наиболее сильная этим летом, окутала Петербург. С моря дул постоянный колючий бриз, разгоняя еще сохранившиеся в городе клочки теплоты и остужая отвыкшую от холода землю. Правда, ожидалось еще бабье лето, но кто его знает, что пошлет Бог в сентябре?

Где-то далеко на Васильевском завыла собака, будто прощалась с умирающим хозяином и спешила всех оповестить о своем несчастье. До императорского дворца тоскливый вой еще не добрался, но здесь и своих бед хватало. Четверть часа назад по опочивальне императора прокатился сдавленный крик. Федор Кузьмич, прикорнувший в соседнем кабинете, тут же кинулся в покои императора и застал того сидящим на постели и растирающим горло правой ладонью.

– Что случилось, Ваше Величество? – осведомился камергер. – Никак опять кошмарные виденья одолели?

– Со мною в который раз уже такая казуистика происходит, – прохрипел царь.

– А что привиделось?

– Все тот же сон, Федор Кузьмич, – император безнадежно махнул рукой. – Все тот же. Наказание Господне!

It's ridiculous![18]

– Сквозь строй? – уточнил камергер.

– Сквозь строй, – подтвердил император и кивнул головой. – Только в этот раз сквозь строй меня тащил не Струменский, а мой батюшка, Царство ему Небесное. Вся спина болит. Что там, посмотри, Федор Кузьмич. – царь скинул с себя ночную сорочку и повернулся спиной к камергеру.

Тот коротко охнул и принялся мелко креститься, будто увидал что-то страшное.

– Что там? – нетерпеливо спросил император.

– Там, Ваше Величество, там…

– Ну, говори же! Я приказываю!

– Там, – снова начал мямлить камергер. – Там следы от шпицрутенов!..

– Что?! Ты в своем уме?! – вскричал император.

– Точно так, Ваше Величество. A complete misunder-standing[19]. – Федор Кузьмич взял с ночного столика триклиний с горевшими свечами и показал царю на круглое зеркало венецианского стекла: – Пожалуйте сюда, Ваше Величество.

Александр поднялся и подошел к зеркалу. Он долго осматривал свою спину, насколько ему было видно, потом накинул на себя атласный халат и упал в кресло.

– Теперь ты понимаешь, Федор Кузьмич?! Я ничего не выдумал! – голос императора предательски дрогнул. – Мой батюшка призывает исполнить миссию рода Романовых! И блаженная Ксения, и монах Авель, и Серафим Саровский говорили, что умру я не императором, а монахом.

– Стоит ли придавать значения предсказаниям, Ваше Величество? – усомнился Федор Кузьмич. – Блаженная Ксения предсказала точную кончину вашего батюшки. А что до вас касательно, так она высказывалась какими-то намеками. Я в магии не силен, но стоит ли верить тому, что баба говорит, хоть и блаженная? La morte triomphante[20].

---

[18] Это просто смешно *(англ.)*.

[19] Полнейшее недоразумение *(англ.)*.

[20] Победительница смерти *(фр.)*.

– Ты действительно ничего не понимаешь, – безнадежно махнул рукой император. – Я должен исполнить свою миссию! А ты будешь мне помогать, ибо положиться императору не на кого. А записи пророчества блаженной Ксении у меня есть в кабинете, – император ткнул указательным пальцем в потолок. – Живо поднимись туда и отыщи их в письменной тумбе.

– Хорошо, Государь, – склонился в полупоклоне камергер. – Только зачем вам записи блаженной Ксении, когда в Михайловском замке у вас проживает госпожа Татаринова Екатерина Филипповна, баронесса фон Буксгевден. Стоит только послать за ней, уж она-то в мистической науке смыслит куда больше всех петербуржских юродивых, вероятно, пенсион свой в шесть тысяч рублей годовых отрабатывает.

– Нишкни, холоп! – прикрикнул Александр на ядовитого Кузьмича. – Ты еще простым казаком был, когда Екатерина Филипповна уже многим судьбу определила. Но, говорю тебе, сейчас ничего не хочу слышать о Татариновой. Хочу, чтобы ты записи о Ксении отыскал!

Камергер непокорно мотнул головой, однако возражать воле царя не стал. Подошел к секретеру из карельской березы, сдвинул на нем в сторону чернильный прибор, и секретер отъехал в сторону, обнажая тайный проход в кабинет императора, находящийся на третьем этаже Каменноостровского дворца. Федор Кузьмич взял один из канделябров, зажег свечи и, кряхтя, словно столетний старец, стал подниматься вверх.

Отсутствовал он довольно долго, но вскоре появился с кипой различных бумаг, среди которых виднелась папка телячьей кожи.

– Вот именно там! – Александр указал на кожаную папку. – Читай, что написано.

– Да здесь записано, Ваше Величество, что юродивую Ксению Петербуржскую погребли на Смоленском кладбище, – камергер поджал губы и перелистнул листок. – Ага, есть еще: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На сем месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего, в ранге полковника, Андрея Феодоровича. Осталась после смерти мужа в 26 лет, странствовала 45 лет, всего жития ее было 71 год, называлась «Андрей Феодорович»».

– Дальше, дальше, – нетерпеливо потребовал Александр.

Федор Кузьмич перекинул еще несколько страниц, и внимание его привлекла новая запись:

– Здесь вот еще про нее записано. Только это касается уже вашего батюшки. «Часто прихожане Смоленской церкви слышали таковы слова пророчицы Ксении: “Скоро плакать на Руси будут. Как войдет он во врата сии, всей жизни ему будет столько, сколько букв над воротами в речении библейском!” Григорий Пильников, один из архитекторов Михайловского замка, обнародовал, что мрамора для отделки Воскресенских ворот не хватило, тот был взят со строительства Исаакиевского собора и что одна из мраморных плит уже укреплена над воротами замка. А надпись на плите гласила: “ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЪ СВЯТЫНЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ”».

– Вот, именно это! – воскликнул император. – В надписи – сорок семь букв! Батюшку моего убили за несколько недель до сорокасемилетия! И это мой грех! Я не имею права быть не только царем Государства Российского, а и вообще человеком! Только покаяние может исправить равновесие природных сил… Но дальше где-то есть о цесаревиче. Найди!

– Не извольте сомневаться, все записано, – Федор Кузьмич перевернул несколько листов и прочел еще одну молитву блаженной Ксении: – «Боже! Даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду. Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира по свержении врагов его, доколе не перестанет луна. Но не предстанет он перед Тобой государем, а схимником…»

– Это явно не про батюшку моего предсказано, – уверенно произнес император. – Войн в его царствование не происходило, а то, что он стал гроссмейстером масонского ордена,

лишь помогло определить, каких царедворцев гнать надобно не только из дворца, а вообще за пределы России.

– Это и вам помогло избавиться от масонства, Ваше Величество, – подсказал камергер.

– Так да не так, – отмахнулся Александр. – От этого гнилья скоро не избавишься. Среди дворян не особо почитают евреев, однако с легкой руки графа Голицына все стремятся записаться в масонскую ложу, будто еврейская лавочка и масонская ложа – это совсем разные вещи. Благо, я приказал выпустить манифест о запрете тайных обществ. Вот и будет брату моему попечение за державу Российскую.

– Константину?

– Нет, Федор Кузьмич, в этот раз ты ничего не угадал, – обрадовался император и как ребенок захлопал в ладоши. – Константин – слишком добрый и капризный. Настоящему государю не след быть снисходительным к пожирателям земли Русской. Я как мог управлялся с ними, но и моих стараний недостаточно. Если бы батюшка был жив, он Россию давно очистил бы… Я много неправого сделал, когда в первом же месяце моего царствования отменил все батюшкины вердикты и законные непослушания праву Государства Российского. Ну да ладно. Ты утром оповести моих братьев, что сегодня мы идем на литургию в лавру Александра Благоверного. Им надлежит быть со мною, дабы принять благословление от митрополита Серафима. А теперь я почивать желаю…

Камергер принялся готовить Александра ко сну, и тот ни словом больше не обмолвился. Лишь ложась в постель, он наказал Федору Кузьмичу прочитать вечернее правило. Делать это разрешалось только самым близким членам царского семейства, но бывший казак Овчаров уже давно себя чувствовал частью семьи российского императора. Возведенный в чин камергера, в который мог быть зачислен только дворянин высокого звания или же войсковой генерал, Федор Кузьмич всю свою жизнь посвятил Государю царства Российского.

Он отправился в царскую часовню, находящуюся на этом же этаже, и принялся совершать вечернюю молитву по старообрядческому канону. Федор Кузьмич в отличие от Александра никогда не кидался к различным проповедникам, какими бы модными они ни были. Казачку Феде Овчарову отец с матерью с ранних лет доходчиво объяснили, отчего патриарх Никон узаконил «щепотную» религию. Но не получилось у нелюдя-патриарха обесчещивание земли Русской: царь Алексей Михайлович сослал-таки властолюбивого упыря дожидаться своего конца в Белозерский монастырь, только никонианская «щепотная» религия была утверждена в декабре 1666 года на Московском Соборе четырьмя иноземными патриархами. Крови никонианами было пролито столько, что старообрядчество до сих пор находилось как бы в забвении. Все прорицатели, юродивые и отшельники сохраняли строгий православный обряд поклонения Богу, который привез на Русь сам Андрей Первозванный – один из наиболее близких к Христу апостолов.

Федор Кузьмич не раз пытался объяснить Александру суть разницы обрядов: дескать, никониане всегда крестный ход совершают против часовой стрелки, против движения Солнца, а значит, против природы и Бога, тогда как старообрядцы держатся первых заповедей и крестный ход их идет по Солнцу, то бишь посолонь. Казалось бы, малая толика распознавания патриарших ошибок, но именно это доказывает, чему человек молится и кому поклоняется.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что вся православная Россия с середины семнадцатого века поклоняется рогатому? – усмехался император. – Тогда наша держава давно погибла бы. Важно не то, в какой храм ты пришел, а зачем. Если ты пришел к Богу с чистыми помыслами и чувством раскаяния, то в каком бы храме ни молился, Бог услышит тебя. Ибо если человек – праведник, то и молитва его становится праведной, на какой бы литургии она не была провозглашена.

Федор Кузьмич придерживался своего мнения, однако с государем не спорил…

Во время молитвы в часовню заглянули два чернеца и епископ Фотий – настала пора совершать утреннюю молитву. Так вечернее правило у Федора Кузьмича плавно перетекло в утреннее, но он не стал сетовать. Может быть, Господь действительно управляет поступками Государя?

Несмотря на конец лета, рассвет наступил рано, и выглянувшее из-за горизонта светило бросило несколько веселых лучиков на разноцветные оконные стекла. Утреннее правило закончилось. Камергер послал нарочных к великим князьям Константину и Николаю, чтобы те не опоздали на литургию в Александро-Невскую лавру. Благо, Константин недавно прибыл из любезной ему Варшавы и собирался какое-то время задержаться в Петербурге.

К моменту богослужения царская семья была почти вся в сборе. Не хватало лишь супруги императора Елизаветы Алексеевны. Царицей эту даму никто никогда не называл. Так звали мать Александра Марию Федоровну, которая до сих пор помогала сыну необходимыми женскими советами, а иной раз настаивала на вынесении некоторых политических вопросов в Сенат или даже в Государственный совет.

Царица некоторое время холодно относилась к своему сыну, который добился власти только через гибель отца. Но видя, как тот часто кается священнослужителям, ибо чувствует за собой косвенную вину в смерти родителя, Мария Федоровна сменила гнев на милость и многое прощала сыну. Она не обращала внимания даже на тот факт, что император часто посещает храмы отнюдь не православных конфессий, ибо понимала, что ее сын воспринимает Бога как Единого Творца и для него не имеет значения, где молиться. Тем не менее на двунадесятые праздники и на Пасхалию царь неизменно бывал в лавре Александра Невского.

На этот раз праздника никакого не было, только через несколько дней должен был наступить Индикт[21]. Митрополит Серафим вел литургию как обычно, но по исполнении евхаристии призвал братьев императора к амвону, где перед ними на аналое лежало Евангелие.

Оба великих князя, положив правую руку на священную книгу, обещали исполнить завет, данный императором Александром I, и закрепили духовный союз претендентов на престол. Именно о таком союзе до сих пор беспокоился государь. Мария Федоровна тоже разделяла мнение царствующего сына: наследником царского престола должен был стать не бесхарактерный и добрый Константин, а его жесткий и принципиальный брат Николай.

После литургии митрополит Серафим пригласил царское семейство в трапезную залу, дабы откушать и отметить закрепленный союз.

Александр, улучив минутку, отвел владыку Серафима в сторону и прошептал:

– Ваше святейшество, извольте на Индикт устроить мне панихиду с первыми петухами. Только не надо светло-торжественного облачения.

– Господь с вами, Ваше Величество, – принялся креститься митрополит. – Что вы такое говорите?! По живому царю – отпевание?!

– Je vous le dis tout cru[22]. Я по отъезде куда-либо обыкновенно приношу молитву в Казанском соборе. Так ведь? Но предстоящее путешествие мое не похоже на прежние, – возразил император. – Я отъезжаю в Таганрог. Это будет не простая поездка, уверяю. Поэтому и велю исполнить, что просил. К тому же здесь почивают мои малолетние дочери. Да будет мой путь под кровом этих ангелов. И на прощание хочу перемолвиться со старцем Алексием. Надеюсь, он не ушел в затвор?

– Никак нет, Ваше Величество, – склонился перед ним митрополит. – Давеча схимник Алексий сам вас поминал.

---

[21] Индикт – праздник церковного Новолетия, установлен Святыми Отцами I Вселенского собора.

[22] Я вам об этом говорю прямо *(фр.)*.

– Вот и ладно, – удовлетворенно кивнул Государь. – Значит, произойдет то, что я предчувствую и жду с нетерпением…

Несколько дней, по виду таких же размеренных и чинных, как остальные дни надвигающейся осени, прокатились быстро. Только митрополит Серафим не находил себе покоя. Шутка ли? По живому царю совершать отпевание! Что это вздумалось императору прощаться с миром, хотя едет только в Таганрог, а не на поле битвы?

Тем не менее просьба императора была в точности выполнена, и на Индикт, в четыре часа утра настоятель лавры Александра Невского митрополит Серафим готов был исполнить обряд отпевания. Правда, настоятель изволил ослушаться Государя и облачился в саккос[23] рытого малинового бархата по золотому грунту. Два архимандрита и братия тоже почли должным облачиться не на простой чин отпевания.

Царь не заставил себя ждать и прибыл к четырем утра с четвертью. Как только он вошел в помещение собора, служба началась.

Император сначала стоял в левом церковном приделе возле раки с мощами благоверного князя Александра, но затем подошел к митрополиту и встал на колени, попросив держать Евангелие у него над головой. Настоятель Серафим так и сделал, заметив при этом, как по лицу Александра катятся крупные слезы. Император не скрывал их и даже не пытался промокнуть лицо платочком.

Митрополит не стал прерывать службу: ведь слезы человеку приносят радость и очищают его грешную душу. Видимо, недаром император просил об отпевании – он что-то чувствовал, только не мог выразить этого в словах. Хотя иногда и слова бывают не нужны. Настоятель лавры благословил раба Божьего Александра и пожелал помощи в делах грядущих, дабы отвратить императора от смертных дум. Тот встал с колен и вновь выразил желание повидаться со схимником Алексием.

Келейник отца Алексия провел императора в спальный корпус лавры, остановился у одной из дверей и постучал в нее со словами:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Отец наших и всех святых да будет воля твоя…

Из-за двери после непродолжительного молчания послышался голос старца:

– Аминь!

– Входите, Ваше Величество, – поклонился келейник императору. – Старец Алексий ждет вас.

Дверь перед государем открылась, и он увидел в полутемной тесной монашеской келье самого старца, который все свои дни проводил в молитве и редко с кем соглашался разговаривать.

Стены кельи наполовину были обиты черным сукном. К северной стене крепились низкие нары, на которых стоял свежесколоченный некрашеный гроб. Гроб был пуст. У восточной стояло большое деревянное распятие, а возле Креста Господня виднелись нарисованные на холсте предстоящие Дева Мария, евангелист Иоанн и Мария Магдалина.

Император перекрестился и отвесил земной поклон Кресту Господню.

– Входи, Александр, я давно ждал тебя, – старец обернулся к императору и показал ему рукой на деревянные нары – единственное место в келье, где можно было присесть, но на котором стоял гроб. – Я раньше ждал тебя: после того, как ты ездил к Серафиму, в Дивееву пустынь. Но человек предполагает, а Бог – располагает. Видать, тебе не с руки было. А просто так к молитвенникам приходить не след.

– Что верно, то верно, – согласился император. – Только откуда тебе известно мое путешествие к отцу Серафиму Саровскому?

---

[23] Саккос (*др. – евр.* «рубище») – одеяние священнослужителей высокого ранга для торжественного богослужения.

– Сорока на хвосте принесла, – улыбнулся старец. – Да ты присядь, Государь, гроб нам не помеха. Скоро предстоит мне ответ держать перед Высшим судом, вот и сплю в гробу. Обживаю свою последнюю постель, – старец подошел к нарам, отодвинул гроб чуть в сторону, посадил на краешек нар императора и присел сам. – Знаю, что не только к отцу Серафиму ездил, – продолжил он. – Так ведь?

– Так, – подтвердил император. – Я пять лет назад ездил на Валаам. Поехал один, запретив кому-либо сопровождать меня хоть издали. Вместе с братией простаивал долгие монастырские службы и ничуть не уставал!.. Однажды на раннюю литургию явился слепой старец, живущий в одном из скитов на острове. До монастыря слепец дошел сам, но войдя в храм, случайно оказался возле меня. Он поднял меня с колен и руками ощупал лицо. Видимо, почувствовал, что я чужой в монастыре, потому и спросил, кто я. «Раб Божий», ответил я. Слепец еще раз провел рукой по моему лицу и чуть слышно произнес: «Все мы рабы Господа нашего. Только когда будешь жить в скиту, в утреннее и вечернее правило включай тропарь Богородице: «Царице моя преблагая…» Я ничего не смог ответить тогда, – Александр на секунду замолчал. Потом продолжил: – Не смог ответить потому, что в смятении чувств не способен был что-то произнести.

– Оно и правильно, что не поблазнилось[24], – согласно кивнул старец Алексий. – Однако же намедни наш настоятель после литургии великим князьям Константину и Николаю пакибытие[25] учинил. Небось все по твоему, Государь, завету?

– Вестимо, так, отче, – склонил голову император. – За державу нашу болею. А Николай будет истинным императором. Супротив него Константину претензий ставить не надобно. Я и завещание прежде составил. А теперь оба они благословение Божие получили.

– Вот и ладно. Значит, так Богу угодно, – согласился схимник Алексий. – Токмо не хочешь ли ты, мил человек, поведать как в Дивеево ездил?

– И то верно, – вздохнул Александр. – Исповедаться перед дорогой надобно.

В то утро отец Серафим не находил себе места. Сразу после утреннего богослужения, он принялся подметать келью, крыльцо, а потом и двор убирать. Келейником у него был пономарь Егор. И когда тот увидел, что старец собственноручно принялся за уборку, то хотел делать все сам, но старец Серафим воспротивился:

– Ты, Егорушка, займись своим делом, аки устав требует. Я же должен ко встрече великого гостя подготовиться.

Егор подивился речам старца, потому как никто из именитых гостей не сообщал о желании посетить Дивееву пустынь. Однако возражать не стал и отправился к себе в пономарню.

Не успел Егорушка сделать и двух шагов, как услышал, что по дороге к монастырю мчится коляска. От ближайшего перелеска показалась тройка породистых гнедых. Рысаки неслись во весь опор, и вскоре ко двору подкатила знатная коляска, хотя кучера в ней не было, конями управлял сам гость. Это могло бы показаться малость чудным, однако кто только в Дивееву пустынь не захаживал!

Старец поспешил навстречу приезжему, поклонился тому в ноги и молвил:

– Здравствуй, великий Государь! – затем отец Серафим взял приезжего за руку и повел в келью.

Пономарь Егорушка так и остался стоять, открыв рот от неожиданности. «Как же так? – соображал пономарь. – Государь всея Руси не может приехать в гости абы как, без слуг, без лакеев, без форейторов! Да и преображенцы не отпустили бы императора без пригляду. Что деется?!»

---

[24] Поблазнилось *(ст. – сл.)* – показалось.

[25] Пакибытие *(ст. – сл.)* – возрождение, новая жизнь.

Меж тем старец Серафим провел Государя, ибо это действительно был он, к себе в келью и усадил на лавку в красном углу.

– С дороги чаю не мешало бы откушать? – полувопросительно обратился старец к Александру.

– И то верно, – кивнул Государь. – Да ты, я вижу, успел уже самовар истопить? – Император протянул руку к стоящему рядом на столе пузатому самовару и потрогал бок.

– Верно, Государь, – поклонился отец Серафим Александру. – Ждал я тебя, потому что ни свет ни заря уже знал, что ты сегодня ко мне на чай заглянешь.

– А откуда знал-то? – удивился император. – Эх, да что это я? – махнул он рукой. – Если знал, значит, от Господа… – Александр для верности поднял правую руку и перстом указал в небо.

Старец Серафим промолчал, потому как не на все замечания отвечать надо. Он достал из тумбочки две чашки для чая и принялся разливать заварку. По келье тут же расползлись сочные запахи полевых трав, поскольку старец любил испить травяных настоев после трапезы.

Император мгновенно оценил пристрастие отца Серафима к травяному чаю и благодарно принял чашку из его рук. Отпив глоток-другой, Государь довольно покачал головой, дескать, такого чая ни в России, ни во Франции отведывать не пришлось. Посмотрев на старца, он отметил, что тот ждет от него каких-либо объяснений: ведь не для распития же необыкновенного чая Государь пожаловал в Дивееву пустынь, где сама Богородица повелела отцу Серафиму основать женский монастырь.

– К месту ли я пожаловать решил? – замялся император. – Еще с юных лет задумывался я о предназначении моем…

– Лета наша, яко паучина поучахуся[26], – кивнул старец. – Истаял еси яко паучину душу его[27]. Ну да поведай, о чем печалишься?

– Никогда и никому не говорил, но тебе как на духу скажу, – Александр перекрестился на кивот из трех икон в углу кельи. – В юности с моего беспутного согласия загублен был батюшка мой Павел Петрович. Прельстился я на речи графа Палена и иже с ним! Да Господь помог страну уберечь! Именно Господь ее уберег, а Богородица направила меня спастись от напасти нерусей у тебя в обители.

– И то верно, – согласился отец Серафим. – Не познавши корень зла, да не покаявшись, не избавишься от него. Ведомо мне житие батюшки твоего, Государь, давно ведомо. И, ежели покаяться прибыл, спаси Христос! Помогу, чем могу, с Божьего благословления. Ведь сказано: внегда подвизатися ногам моим, на мя велеречиваша[28]. Но державу нашу ожидает смута великая, ибо проникла нечисть уже и в души рабов Божьих. Сей час растет рог[29] нечестивцев. Иже императору и царству его буде в том погибель.

– Ах! – воскликнул Александр. – Ведь говорили мне и Дибич, и Майборода, и Шервуд, дескать, грядет смута неминучая… Что же им не хватает, нерусям?!

– Как что? – удивился священник. – Думу предлагать будут с брожением умов да всегдашним несогласием с волей царскою.

– А я ли не думский совет предлагал? Я ли не пытался ввести демократию? Еще матушка моя Мария Федоровна предупреждала, дескать, добился власти от нечестивцев и от них же головы лишишься!

---

[26] Лета наши расчленены, как паутина (Пс. 89, 10).

[27] Ты (Господи) иссушил душу его, сделал слабой, тонкой, непрочной, как паутину (Пс. 38, 12).

[28] Когда колебались ноги мои (на пути к правде), много про меня говорили дурного (Пс. 37, 17).

[29] Рог *(ст. – сл.)* – сила.

– Так оно и будет, Государь, – печально заметил старец. – Ибо несть числа крови жаждущим, а имя их – легион. Будет один из твоих потомков миропомазан на царствование и в начале сего царствования начнутся несчастья, беды народные, война неудачная. Настанет смута великая внутри государства. Поднимется отец на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая, и жизнь Государя долговременна[30]. – Уж не брату ли моему ты пророчишь вторую половину правления словами Апокалипсиса о жизни вечной в Небесном Иерусалиме? – спросил император, исподлобья взглянув на старца. – Ведь сказано: «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою»[31].

– После тебя, Государь, будет еще не один помазанник Божий заботиться о Государстве Российском, но лишь последний прославит меня. И его Императорскому Величию еще гораздо более поможет сделать Господь для церкви нашей православной и Единой во всей Вселенной – Истинной и Непорочной Вселенской Церкви Христовой. Он же будет первым царем-искупителем, которого за жертву его, за перенесенные муки также прославят. Ведь не покаявшись в преступлениях отцов наших, никогда не получим мы долгожданного благоденствия. Брату твоему еще предстоит в середине века нашего разобраться с объединяющимися против России нелюдями. А ты, Государь мой, любишь Церковь, как и родитель твой, но будешь ли служить ей после нашей встречи, тебе решать.

– Что же делать мне, отче? – в глазах императора играл болезненный огонек недопонимания речей старца. – Как оградить мне Церковь нашу от нашествия нелюдей? Как защитить державу Российскую?

– Наша Церковь во всей вселенной одна Истинная, – убежденно ответил отец Серафим, – Непорочно Апостольская, потому что истину мы несем от Андрея Первозванного. Церкви нашей предстоит стать Вселенской: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»[32].

Но прежде земле Русской предстоит заклание русского царя и перенесение ига жидовского. Восстанут на царя не только враги внешние, но и внутренние. И вот как это будет: бунтовщики-то, восставшие на царя при восшествии его на престол, похвалялись, что хотя и скошена трава да корни остались. Ибо главные-то начальники этого злого умысла, выдавши тех, которых сами же вовлекли в этот умысел, останутся в стороне и будут искать погибели Государя и всей фамилии его царской.

– Вижу, каторги одной для нерусей мало будет, – упавшим голосом заметил Александр. – Придется головы рубить, чтобы впредь неповадно было.

– Придется, – согласился старец. – Но Бог даст не тебе. Ты же помни, что нелюди отныне и вовеки не оставят род царский! И неоднократно будут подыскиваться: нельзя ли как-нибудь его под корень? А когда неоднократные их покушения не удадутся, пустятся на холерные беспорядки. Но фельдмаршалу твоему, Федору Ивановичу Паскевичу, Господь поможет в Варшаве заразу задавить.

– Знаю я графа Паскевича, – вспомнил Государь. – Храбрый он воин, каких мало.

– Да, – кивнул отец Серафим. – Токмо не угомонятся нелюди. Видя, что у них с покушениями не ладится, они примутся за другое и будут стараться, чтобы во всех должностях государственных были все люди или согласные с ними, или по крайней мере не вредные им. И будут всячески они восстанавливать землю Русскую против Государя. Когда же и то им не будет удаваться, то дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет земле Русской. И в один день, заранее условившись, поднимут во всех местах земли Русской все-

[30] Дневник Николая Александровича Мотовилова был опубликован в 1903 году и послужил важным документом в прославлении батюшки Серафима, которого в этом же году, через 70 лет после блаженной кончины, Православная Церковь причислила к лику святых. Здесь и далее приведены личные высказывания преподобного Серафима Саровского.

[31] Библия (Откр. 21:24).

[32] Евангелие (Мф. 24:14; Мк. 13:10)

общий бунт, и некому будет унимать их. И много прольется невинной крови, реки ея потекут по земле Русской… А поведет их тот, кто родится за тридцать лет до конца века нашего. И будет он, как предсказано в Писании, править три с половиной года, и царство его Антихристово не умрет, покуда он будет не похоронен. А земля его не примет…

– Что ты такое говоришь, отец мой? – Александр даже перекрестился. – Неужто Русь ожидает погибель неминучая и скорая?

– Разделение грядет единого Государства Российского, – подтвердил опасения императора старец Серафим. – А когда земля Русская разделится и одна сторона останется с бунтовщиками, другая же станет за государя и целость России, вот тогда боголюбие народа, усердие его по Богу и ко времени. Да только не сразу решится народ землю свою отстаивать.

– Как скоро грядет сие непотребство? – нахмурился император. – И что делать мне для того, чтобы нечисть не испоганила землю Русскую?

– Слишком поздно ты, Государь, спохватился! – сказал как отрезал Серафим Саровский. – Если ты оставишь престол, то после того сразу поднимется смута. Молитвою можно спасти землю Русскую, и нечестивцы не сумеют одурачить народ. Только предательства и соблазнов не избежать. Помни лишь: Богородица хранит державу твою под покровом, и Господь даст полную победу поднявшим оружие за Него, за Церковь и за благо нераздельности земли Русской. Но не столько и тут крови прольется, сколько тогда, когда правая, за Государя ставшая, сторона получит победу, переловит всех изменников и предаст их в руки Правосудия… И вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь уже будет последняя, очистительная…

– Неужели никак нельзя без крови? – поднял удивленные брови монарх. – Неужели Господь наш допустит новое кровавое дело на земле Русской?

– Когда придет царь-победитель, – пояснил старец, – казнь эта будет по Правосудию Божьему и земле без этой крови очиститься невозможно, ибо кто понуждает людей проливать кровь, тот должен излить свою… После того Господь благословит люди своя миром и превознесет рог помазанника Своего Давида раба Своего Мужа по сердцу Своему благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича. Его же утвердила и паче утвердит святая десница Господа нашего над землею Русскою.

– Так что же получается? – не понял Александр. – Выходит, смута коснется брата моего. Но почему ты, святой отец, называешь его Давидом?

– Потому что он будет последним помазанником Божьим. Как говорил Давид: «Сынове Сиони возрадуются о Царе своем»[33]. Богоспасаемый царствующий град Московию Сионом вторым нарещи надобно, егда благодать Божия от ветхозаветного перенешися Сиона, воссия на нем Христианским православием. И зде-то сынове Сиони христиано-российские чада радуются о царе своем.

– Я понимаю теперь… – задумчиво заключил император. – Все обетования, данные Богом Давиду, напрямую касаются русских самодержцев, поскольку именно русский император был до сих пор удерживающим тайну беззакония.

– Истину глаголешь, – согласился старец. – Ежели решился престол оставить, то зде жду, послушником будешь, ибо, как сказал о нас пророк: «Что же унывать нам, ваше Боголюбие, аще Бог за ны, так кто на ны? – разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог, могущие покоряйтесь, яко с нами Бог и аще паки возможете, паки побежденнии будете, яко с нами Бог, так то ваше Боголюбие, с нами Бог и унывать нам нет никакой дороги».

Воистину, не ожидал Государь такой откровенности от Серафима Саровского, только пророк знал, что говорить, ибо за державу Российскую у него тоже душа болела.

---

[33] Пс. 142:2.

Государь допил свой чай, поставил чашку на стол и начал откланиваться. Старец благословил его на дорогу и вручил лестовку[34] со словами:

– Негоже императору в разных церквах истину искать. Сия лестовка – перст Божий и посох в дороге. Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил…

* * *

Старец Алексий долго молчал, осмысливая этот рассказ. Император же сидел на краешке деревянных нар, как гимназист первого класса, и боялся пошевелиться. Наконец схимник поднял глаза на Государя, и тот увидел в глазах чернеца слезы.

– Отец мой… – первым стремлением Александра было утешить чем можно святого монаха, который даже заплакал, услышав исповедь царя.

– Ах, оставь, чадо, оставь! – махнул рукой схимник. – Господь дал мне сей час прозреть, ради чего ты покидаешь престол, Государь. Я человек старый и много видел на свете, благоволи выслушать слова мои: до великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожнее. После чумы нравы испортились, будто русский народ поразила беда неминучая, противу которой московская чума – плачь младенца. В 1812 году наступило время исправления набожности, токмо по окончании войны с французом нравы еще более испортились. Ты – Государь наш, и должен до конца жизни бдеть над нравами, в каком бы чине тебе ни пришлось возносить молитвы. Ты – сын Православной церкви и должон любить и охранять ее. Так хочет Господь Бог наш!

– Но я не все еще решил, – пробовал отбояриться Александр.

– Оставь, – снова отмахнулся старец. – Становись на колени.

Император послушно преклонил голову. Схимник же, положив епитрахиль исповеднику на голову, перекрестил его широким жестом:

– Да будет благословение Божие с тобой, чадо. Да поможет тебе Господь нести крест твой и да будет воля Его в делах и молитвах твоих, – старец поднял императора на ноги, поцеловал в лоб и, не говоря больше ни слова, подтолкнул к двери.

Уже в дверях Александр оглянулся и произнес:

– Многие длинные и красноречивые речи слышал я: но ни одна так мне не понравилась, как твои краткие слова. Жалею, что я давно с тобою не познакомился. А благословение твое будет мне истинной поддержкой и светочем во всех делах моих, – сказав это, император спустился к ожидавшей его коляске.

[34] Лестовка (*ст. – сл.*) – своеобразные четки, изобретенные Василием Великим. С лестовкой ходят только старообрядцы.

Глава 4

Утро пришло вместе с солнечным лучиком, щекотавшим нос Давида. Тот фыркнул, открыл глаза и убедился, что лучику вовсю помогает его новая знакомая.

Девушка лежала рядом, в руках у нее было белое птичье перышко от подушки, которым она успешно обрабатывала ноздри спящего мужчины. Увидев, что тот проснулся, девушка зарылась лицом в подушку, изображая спрятавшего голову в песок страуса, и на несколько минут затихла. Не слыша с противоположной стороны никаких реакций, обнаженная разбойница решила взглянуть на предмет своего внимания.

«Предмет» оказался в пробудившемся состоянии и с улыбкой ждал, когда «страус» перестанет прятаться.

– Ты очень красивая, – подал голос Давид. – Хотя и хулиганка.

– Красивая хулиганка? – уточнила девушка.

– Очень красивая!

– Красивее не бывает?

– Может, и бывает, да только я не видел. – Давид немного помедлил. – Послушай, не хочешь ли сказать, как тебя зовут? Ведь я еще ночью назвал свое имя, но «алаверды»[35] не последовало.

Девушка одной рукой полуобняла его, другой рукой, с зажатым в пальцах перышком, принялась щекотать щеки Давида:

– Знаешь, у меня с именем тоже не все в порядке. И тоже родители виноваты. Зови меня просто Бусинкой.

– Почему Бусинкой? – удивился Давид.

– Ну, все тебе прямо сразу знать хочется! – возмутилась девушка. – Не сразу Москва строилась.

– Так это Москва, – хмыкнул парень. – В любом доме прежде, чем появятся кухни, спальни и прихожие, надо над фундаментом стены возвести и крышу настелить. А мы с тобой уже в спальне! Причем я без всяких задних мыслей сразу начал о себе рассказывать. Пусть еще не слишком много, но имя назвал сразу. Ты не хочешь, чтобы я знал имя, но про Бусинку-то должна рассказать?

– Ну, хорошо, – согласилась она. – Давай поиграем: я тебе что-то рассказываю из своего прошлого, ты мне. Только не ревнуй, пожалуйста.

– Договорились.

– Так вот. В девятом классе у меня была первая любовь. До этого почти все мои подружки уже умели с мальчиками обращаться, а мне все как-то недосуг было. А тут влюбился в меня одноклассник, Юра. Это случилось, когда мы в Петербург на экскурсию поехали.

– То есть в Ленинград, – уточнил Давид.

– Ага, – подтвердила девушка. – Наша классная руководительница, Алла Павловна, когда узнала, что, дожив до девятого класса, почти никто из нас в Питере не был, организовала нам поездку. В первый день у нас запланировано было путешествие по островам города, во второй – путешествие по каналам, три дня на Эрмитаж, а последний день на Исаакиевский собор и Александро-Невскую лавру.

Так вот, когда путешествовали по каналам, под одним из мостов нам показали маленькую медную статуэтку чижика, которая находилась там под водой. Говорят, что именно из-за статуэтки возникла песенка: «Чижик-пыжик, где ты был…» И еще с этой статуэткой

[35] Алаверды *(груз.)* – ответное действие, обычно в знак благодарности.

была связана одна романтическая любовная история. Вероятно, я восхищалась этой историей громче всех, потому что на следующий день Юрка притащил мне этого чижика и признался в любви. К тому же птичка держала в клюве настоящую жемчужину, которую я тут же назвала бусинкой. Юрке понравилось, и он закрепил за мной это прозвище. Только я до сих пор не представляю, как смог мальчишка в чужом городе украсть из-под моста статуэтку чижика?!..

Но ничего, что чижик украден. Ведь этим государством с 1918 года управляют преступники, у которых за кражу больших денег выделяют место в правительстве, а за кражу какой-нибудь мелочи – пожизненно в лагеря без права на переписку. Для меня Юрка выглядел, как занимающий место в Думе. И я… – девушка вдруг запнулась и замолчала.

Давид взглянул ей в глаза и увидел, что они полны слез, готовых хлынуть по щекам обильным водопадом.

– Понятно, – кивнул он. – Ты поверила парню, а его увела из-под носа близкая подруга.

– Как ты догадался? – Бусинка подняла глаза на Давида, но слез уже не было видно.

– Очень просто, – улыбнулся он. – У меня произошла аналогичная история. Мы с тобой просто похожи.

– Ты находишь? – ответила улыбкой Бусинка. – Ну-ка, иди сюда, – она поднялась с постели, потянула за собой Давида.

Их взлохмаченные головы отразились в большом настенном зеркале, но сразу признать лицо девушки похожей на физиономию парня было нельзя. Тем не менее она отметила:

– А ведь действительно чем-то похожи. Наверное, недаром я потянулась к тебе там, в метро.

– Недаром, – согласился Давид. – Я даже благодарен привидению обходчика за то, что он нас познакомил.

– Я тоже. Но теперь твоя очередь что-нибудь рассказать.

– Хорошо, – согласился Давид. – Я об этом еще никому не рассказывал. Так что готовь уши, – он вернулся на постель, а Бусинка уселась рядом. – Мне было одиннадцать лет, и район Кунцево, где жила наша семья, тогда еще не считался Москвой. Даже линия метро кончалась на Пионерской, а дальше – трамваем или автобусом. У нас, кунцевских, были задачи поважнее, чем думать о прокладке метрополитена или с горячим энтузиазмом ехать на какую-нибудь «комсомольскую стройку», где половина «комсомольцев» – уголовники строгого режима.

У нас был свой режим – дворовый. Дворовые команды: футбол, хоккей, теннис, плаванье и куча других видов спорта… Но ни дня без драки! Дрались по любому поводу. В основном из-за девчонок. Только подравшись «двор на двор», тут же мирились и расходились по домам закадычными друзьями, чтобы назавтра снова встретиться и махать кулаками.

У меня тогда была самая клевая девчонка нашего двора – Лариска. Ты ведь знаешь, что девочки взрослеют гораздо раньше, чем мальчишки. Так вот моей Лариске, скорее всего, нужен был хоть какой-то сексуальный опыт, над чем я еще не задумывался. А жаль, потому что она тайком от меня познакомилась с парнем постарше, и тот, желая силой доказать свое превосходство, устроил мне «пятый угол». То есть восемь человек со штакетинами в руках пустили меня, как мячик, по кругу, ударами не давая упасть. Результат – напрочь перебита левая рука.

– Где? – удивилась девушка. – Я даже не заметила, – она принялась пристально рассматривать левую руку Давида и нашла, наконец, старые отметины. – Ага. Вот. И здесь еще!

– Я тогда отшучивался: настоящего мужчину может украсить только шрам! Целый месяц провалялся в больнице. Кроме родителей ко мне приходили друзья. Однажды они рассказали, как выловили всех восьмерых и наставили им таких же отметин, какие получил

я. Только вся фишка в том, что моего обидчика среди них как раз и не было: он, натравив на меня приятелей, сам смылся. А Лариска бросила меня – первая незабываемая потеря.

Все бы не так трагично, если бы тренер не объявил мне о том, что с перебитой рукой придется навсегда забыть о плаванье. И вот тогда я впервые за всю сознательную жизнь испугался: способен ли я вообще на что-то? Не повлечет ли за собой незапланированная инвалидность каких-то побочных явлений, перепрыгнуть через которые не хватит сил? Это был даже не испуг, а животная трусость, когда хочется ничего не видеть и не слышать, ни о чем не задумываться, не подавать признаков жизни! Спасло меня только то, что третьего взрослого разряда по плаванью я все-таки добился!.. А ты добилась того, что мне захотелось все рассказать именно тебе. Прямо зомбирование какое-то!

– Нет, – возразила Бусинка. – Ты сам только что утверждал, что мы похожи, а подобное притягивает подобное. Закон физики.

– Или биологии?

– И того и другого, – рассмеялась она. – Но сейчас ты будешь требовать откровения от меня. Так? А что бы ты хотел узнать обо мне такого, не известного никому?

– Знаешь, мужчинам всегда интересно узнать, как девушка впервые познакомилась с сексом. Если, конечно, тебя это не шокирует, расскажи. Буду благодарен.

Бусинка ответила не сразу. Вопрос взывал к открытости, но и ответственность на спрашивающего возлагал немалую. В первую очередь требовалось полное доверие к собеседнику и уверенность в том, что он никогда не воспользуется полученной информацией во вред.

Девушка встала возле кровати, взбила подушку, прислонила ее к спинке, устроив что-то вроде мягкого кресла, и забралась в это гнездышко, натянув на себя одеяло. Давид, недолго думая, плюхнулся на спину поперек кровати, положив голову на колени своей новой подружке. Та не возражала, лишь непроизвольно принялась перебирать ему волосы, наматывая их на пальцы.

– Мои родители работали преподавателями в Московском универе на кафедре философии, – призналась она. – Отец преподавал научный коммунизм, а мама – диалектический материализм. Собственно, их изначальная любовь к вождю мирового пролетариата и послужила причиной того конфликта, который продолжался меж мной и родителями всю сознательную жизнь. Они умудрились назвать меня Виленой, это аббревиатура от Владимир Ильич Ленин. Более того, я уже в первом классе знала три закона диалектики – единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

– Классно!

– Да ничего классного тут нет. Детство оказалось перечеркнутым любовью к ненавистнику человечества.

– За что же ты его так? – удивился Давид.

– У нас в доме была отличная библиотека, – пояснила Вилена. – Так вот, я там отыскала опубликованные в XIX веке публицистом Мотовиловым воспоминания о старце Дивеевской пустыни Серафиме Саровском. Надеюсь, ты слышал, что он – один из немногих проповедников, так сказать, русских екклесиастов, предсказавших историю России вплоть до наших дней?

– Конечно, – подтвердил Давид.

– Так вот. Старец Серафим предсказал, что Антихрист родится в 1870 году в России. Именно в этот год родился Владимир Ульянов-Бланк. А править страной этот нелюдь будет три с половиной года. Именно так и случилось с точностью до минуты! Мы живем в царстве Антихриста, и Армагеддон давно начался!

– Как же так? – опешил Давид.

– А сколько крови безвинных уже пролилось только у нас в России? – воскликнула собеседница. – Или ты забыл, что Чечня еще не сложила оружие, да и вряд ли сложит! Пока есть внешний враг, внутреннего никогда не трогают, вот почему это все. У власти остались те же ставленники американских архантропов[36], только вывеску сменили…

Кстати, менять вывеску – это чисто национальная еврейская черта. В первом Совете народных комиссаров из ста человек был только один русский.

– «Примкнувший к ним Шепилов»?..

– Да-да, примерно так. Я такую длинную преамбулу рассказываю, чтоб ты понял, почему в нашей семье возникла историческая война «отцы и дети».

До школы родители отдали меня на воспитание в деревню к бабушке, поэтому прокоммунистические мысли не поразили мозг ребенка в раннем состоянии, и я выросла настоящей русской девочкой без экзальтированного стремления к победе мировой революции. Более того, бабушка умудрилась тайком меня крестить в старообрядческой церкви, и крестик я никогда не снимала.

Так вот. С родителями воевать мне было неинтересно, ведь любой учитель внимание всегда оказывает другим детям, но не своим. Я все больше читала. И однажды в домашней библиотеке наткнулась на запись болезни всеми обожаемого Ильича. А также, что кроме Инессы Арманд, заразившей вождя всех народов французской болезнью, у него были бурные сексуальные связи с Анжеликой Балабановой, любовницей Бенито Муссолини. Для меня сифилис был тогда на одном уровне с подлостью и предательством. А как в военное время поступают с предателями, помнишь? Поэтому я всем в школе объявила, отчего преставился любимый советский идол. И конечно же попала в черные списки неблагонадежных. А вот родителей чуть из партии не поперли. Отца простили только за то, что он мог цитировать Ленина из любого тома в любом количестве. Не знаю, сколько он выучил наизусть бесценных опусов Ильича, но, согласись, это – явление уникальное.

А сейчас самое интересное. Когда я приходила домой, то частенько полностью раздевалась в своей комнате и нагишом отправлялась в ванную. Родители очень редко приезжали домой днем, а мне нравилось ходить по квартире обнаженной.

В этот раз я тоже скинула одежду и пошла купаться. Но, открыв двери в ванную комнату, я увидела отца, который только что вылез из-под душа и стоял у зеркала, подбривая щеки. Он услышал, что дверь открылась и резко оглянулся. Представляешь, что он увидел? Молодую женщину в одежде праматери Евы.

Я только потом, много лет спустя, проанализировала его реакцию. Но тогда передо мной был голый мужчина, за несколько секунд возбудившийся до скотского состояния! Я, кажется, пискнула и бросилась в свою комнату. Там отец догнал меня и прижал к стене. От него пахло спиртным. Я не нашла ничего лучшего, как, глядя на него в упор, медленно и четко произнести:

– Если тронешь меня, заражу сифилисом, как твоего любимого Ленина!

Он, признаться, опешил, ослабил хватку, а мне только того и надо было. Я заорала что было мочи:

– Вон из моей комнаты!

Отец мотнул головой, как с похмелья, и убежал к себе, хлопнув дверью. Меня долго бил озноб, но никаких эксцессов больше не было. Через какое-то время отец осторожно постучал в двери и принялся извиняться. Потом просил, чтобы я ничего не говорила маме. Она конечно же ничего не узнала. Но жить с родителями после этого мне стало в тягость. Сразу после школы я устроилась на работу и сняла комнату.

---

[36] Архантроп (*др. – греч.* «древний человек») – ископаемые предшественники человека (питекантроп, синантроп и пр.); здесь слово применено в иносказательно-уничижительном смысле.

– А где же ты работаешь? Или это тоже секрет за семью печатями?

– Вовсе нет. Наша классная руководительница помогла мне устроиться в библиотеку Гоголя на Никитском бульваре.

– В библиотеку? – глаза Давида вспыхнули мимолетным огнем. – Вот это номер! Я тоже сейчас интересуюсь библиотекой.

– Как-нибудь обязательно расскажешь мне про библиотеку, но в данный момент я хочу знать то же, что и ты: то есть мнение мужчины о первых сексуальных впечатлениях!

– Ну что ж, желание дамы – закон! – пафосно изрек Давид. – Только сразу предупреждаю, мне тоже пришлось испытать соблазн инцеста.

– Вот это номер…

– Да-да, – кивнул Давид. – Дело касается моей сестры. Наши родители, прожив друг с другом двадцать пять лет, все-таки расстались. Отец нашел другую женщину и уехал из Москвы, старшая сестра вышла замуж, а я жил с матерью.

Надо отдать должное сестре, потому как она виртуозно владела математикой, физикой и еще несколькими проходными науками, без которых поступление в вуз практически невозможно. Так вот, через несколько лет после окончания школы я наконец-то решил штурмовать неприступную эту стену и поступать в институт. Сестра, естественно, предложила мне посильную помощь в подготовке к экзаменам. Я каждый день в назначенное время приезжал к ней домой и начинал грызть гранит науки с остервенением голодного хищника. Сестра с улыбкой смотрела на меня, но одобряла мое усердие. Более того, как-то раз она вспомнила:

– Я со своим мужем так же познакомилась, когда ему требовалась подготовка к очередной экзаменационной сессии в институте. Знаешь, тогда я ему была действительно нужна…

– Разругались, что ли? – уточнил я. – То-то его дома не видно.

– Если бы разругались… – заметила сестра. – Мне кажется, он ушел и больше не вернется.

В глазах у нее стояли слезы, и мне искренне стало жаль ее. Я попытался утешить сестру, и даже пару раз поцеловал в щеку. Представь, она отреагировала очень даже неожиданно и оригинально.

На следующий день, когда я пришел, дверь в квартиру оказалась открытой. Повесив куртку на вешалку, я вошел в комнату. Прямо передо мной на тахте возлежала сестра в обнаженном виде и притворялась спящей. Я это определил потому, что животик у обнаженной чувствительно подрагивал.

Если честно, я просто растерялся и не знал, как поступить. Разрядила обстановку сестра: она приоткрыла глаза, повернулась в мою сторону и позвала:

– А, это ты? Иди сюда…

Но я дунул из квартиры, как будто пятки у меня были смазаны скипидаром. Мне стало страшно. Не потому, что женщина позвала меня, а потому, что моим сознанием мог овладеть дьявол. Я это физически почувствовал!

Вилена несколько минут размышляла над услышанным и наконец задумчиво произнесла:

– А ведь мы с тобой действительно лягушки из одного болота. Такое случается очень редко. Вот почему мне сразу не хотелось тебя отпускать. Понимаешь, Господь всегда подбрасывает какую-нибудь проблему или неожиданное знакомство, пройдя через которые ты получишь что-то, после чего может измениться вся жизнь. А если ты не обратишь внимания ни на проблему, ни на знакомство, второго шанса уже не будет. С этой стороны Вседержитель выглядит, как игрок, надеющийся, что сотворенный им экземпляр переступит через все жизненные рогатки и сможет содержать свою душу в относительной чистоте.

– Послушай, а ты веришь в Бога? – вдруг спросил Давид.

– Да, – спокойно ответила девушка. – Впрочем, так же, как и ты. Или старообрядческий крест на твоей шее – так, дань моде?

– И в этом мы схожи!

– Неудивительно, – продолжила Вилена. – За свое крещение в старообрядческой церкви я должна благодарить бабушку, которая тайком от родителей исполнила все как надо и успела даже обучить меня церковно-славянскому языку.

– Фантастика! – воскликнул Давид. – Я ведь тоже из-за бабушки попал в старообрядческую церковь! Но у той на мое образование не хватило времени. Может, ты мне объяснишь, чем отличаются новоделы от старообрядцев?

– Легко, – согласилась девушка. – Ты как крестишься? Двумя пальцами? Правильно. А знаешь, что это обозначает?

– Человеческое и божественное начало.

– Именно! Но под двумя пальцами еще три, то есть единство Святой Троицы. А у новоделов крестятся тремя пальцами, то есть щепотью. Это нововведение пошло от патриарха Никона с 1666 года, включающего в себя число Зверя, то есть Антихриста. Посмотри на любую икону, видел ли ты хоть когда старца, пророка или апостола, благословляющего щепотью? Везде только два перста.

– Но ведь из-за такой разницы нельзя разъединять великий русский народ на два лагеря? – возмутился Давид. – Это просто бессмыслица!

– Да уж, – покачала головой девушка. – Хоть ты и Давид, но образования у тебя никакого. «Щепотная религия» новоделов заключается в противостоянии старообрядцам, а не в поклонении Богу. Ты в церковь-то ходишь ли?

– Не часто, но хожу.

– Значит, помнишь, как старообрядцы крестный ход делают: по часовой стрелке. А новоделы – против часовой стрелки, против солнца, против природы и против Бога. И вся религия новоделов – суть, противостояние. Значит, поклонение Сатане.

– Ты считаешь, что вся Россия поклоняется Сатане с семнадцатого века? – усмехнулся Давид. – Так что же этот рогатый до сих пор нас не прибрал?

– Не прибрал?! – вспыхнула Бусинка. – Да у нас даже на главной церкви – новом храме Христа Спасителя – на центральном куполе вокруг креста – венчик из Маген-Давидов, иудейских шестиконечных звезд! Такие же звезды – в мозаике пола во всех приделах храма. Там существует зал заседаний, и даже ресторан, при котором есть кабинеты для принятия спиртного![37]

– Ну, это уж ты хватила… – попробовал возразить Давид.

– Ничуть! – возмутилась девушка. – Несколько священников с Урала во главе с протоиереем Сергеем Кондаковым прознали про такие причуды и написали письмо патриарху Кириллу с возмущениями и требованием объяснения. Так тот недолго думая отлучил неугодных от церкви – и дело с концом. Такого вытирания сапог о священников не позволял себе даже Никон.

И еще: у того же Никона в келейниках был Арсений Сатаниус, получивший на Руси прозвище Грек. Он и пересочинил «Новый Завет», привезенный на Русь апостолом Андреем Первозванным, в никонианскую форму «новоделов» или «щепотников». Сам Арсений до того, как попал на Русь, сменил пять верований. Но не думаю, что он искал пути к Богу.

[37] Специалисты Общества защиты прав потребителей установили, что на территории храма имеются действующая автомойка, автосервис, платная автостоянка, столовая, химчистка, торговые ларьки и павильоны. Отдельные помещения храма сдаются под проведение банкетов и корпоративов. «…подобные услуги не являются религиозным обрядом, следовательно, должны регулироваться не уставом религиозной организации, а светским законодательством. Фактически на территории храма действует бизнес-центр, предоставляющий потребителям широкий спектр коммерческих предложений» – отмечается в протоколе.

Этот мошенник искал доступ к деньгам с помощью религии. Патриарх Никон ему это все устроил – взамен на переписку истинного православного учения. Во всех книгах новоделы под чутким руководством Арсения Грека исковеркали не только молитвы, но даже псалмы пророка Давида. Теперь подумай сам, согласился бы твой тезка псалмопевец на произвольное и бессмысленное изменение текстов псалмов?

– Сомневаюсь, – покачал головой Давид. – Получается, псалмы, продиктованные пророку самим Богом, были исправлены?!

– Вот именно! – резюмировала Вилена. – Под руководством Сатаниуса.

– Выходит, почти вся Россия с семнадцатого века молится неизвестно какому богу? – поднял на нее глаза парень. – Но пока-то все идет хорошо?

– Нынешнее состояние Родины ты считаешь хорошим?! – удивилась девушка. – Страна, испокон веков кормившая полмира, ждет продуктовых подачек из американских закромов и прославляет населяющих штаты архантропов! Американские продукты практически все геномодифицированы и вызывают медленное отравление всего живого. Американские поставщики русским текстом лгут покупателю, дескать, никаких ГМО «ножки Буша» не содержат. Так ведь без этого ГМО не было бы и ножек! Как вырастить таких больших кур, если не кормить их зерном, содержащим эту отраву? Так кто же управляет нашим государством: враги эфемерного внешнего врага или враги собственного народа?

– Судя по твоим прогнозам, вообще всей Земле скоро настанет кирдык, – кисло усмехнувшись, резюмировал Давид. – Значит, необходимо накрыться простынями и медленно ползти на кладбище. Медленно – чтоб не создавать паники! Так?

– Не так! – возразила Вилена. – Информация для того и существует, чтобы использовать ее против наших врагов. Владеющий информацией – уже вооружен!

– И в чем же ты видишь сопротивление нынешним властям? – остро посмотрел на девушку Давид. – В каких-нибудь демонстрациях или митингах?

– Вовсе нет, – улыбнулась Бусинка. – Для начала необходимо наладить информационный поток с помощью Интернета, а правительственную машину остановим бойкотом. Но одного-двух десятков людей явно недостаточно. Помнишь, как в 1994 году безоружной толпе удалось собраться на Октябрьской площади, пройти до московского Белого дома и даже захватить его?

– Нынешнее правительство больше не допустит таких проколов, – отмахнулся Давид. – Я вот думаю, а не поднять ли казачество? Ведь казаки, как национальность, никогда не признавались кремлевскими «думцами», под каким бы флагом не существовал Кремль. Их признавали только при царском режиме, то есть до победы исторического материализма. Казаки поднимутся на восстановление России! Только вот получится ли сделать все без крови?

– Знаешь, милый, прежде, чем разрабатывать грандиозные планы возрождения России, я бы не отказалась от чашечки обыкновенного кофе. – Бусинка взъерошила ему волосы. – Для этого позволь мне вылезти из-под одеяла и пойти на кухню.

Она легко выскользнула из постели, накинула халат, осторожно открыла дверь и прислушалась:

– Никого нет. Бояться нечего. Так что можешь пока отправляться в ванную, а я потом.

С утренним моционом они расправились быстро.

Перед завтраком девушка достала из настенного шкафчика пиалу, накрытую фольгой, открыла ее и поставила на стол. Давид мельком заглянул в чашку и обнаружил там разбухшую от воды овсянку. Вилена увидела, что парень проявляет интерес к таинственному снадобью, и улыбнулась:

– Это овсянка. Три столовых ложки овсяных хлопьев я замачиваю вечером, добавляю в них яичный белок и съедаю все это утром.

– Ну и как?

– Овсянка без сгущенки не очень-то вкусная, – поморщилась девушка. – Зато такое лекарство поможет удалить из организма все ядовитые шлаки. Достаточно раз в полгода на неделю устраивать себе такую чистку – и многие болезни просто отступят.

– Откуда ты узнала про это? – недоверчиво покачал головой Давид.

– Эх ты, – пожала плечами девушка. – Овсяные хлопья использовали на Руси как лекарство все наши деды и прадеды, то есть их половиночки, ибо только женщины перенимают и берегут заповеди родителей и бабушек. Поэтому всякую женщину, умеющую с младенчества готовить целебные отвары, собирать нужные травы и просто лечить людей, мужчины обычно обзывали ведьмой, а воеводы могли даже на костер затащить.

– Скажешь тоже! – фыркнул Давид. – Это на Западе инквизиция бесчинствовала, а у нас все не так было.

– Кто это тебе такое сказал? – удивилась Вилена. – Дружинники патриарха Никона деревнями сжигали наших предков-старообрядцев лишь за то, что люди отказывались принять «щепотную религию». Гражданская война семнадцатого века – это самый глубокий шрам на теле русского народа. Поголовное истребление! Хан Батый, Тамерлан и прочие ливонцы, тевтонцы и шведы вместе взятые никогда не убивали столько русичей, сколько умудрился уничтожить патриарх Никон. Сожжен был даже Соловецкий монастырь вместе с монахами[38]. Так что и на Руси огоньком часто баловались.

Эх, жалко не уцелела библиотека Ивана Грозного! Там после смерти царя сохранилось столько архивных летописей, в которых писарчуки фиксировали события, действительно происходившие на Руси, а не переписанные по приказу Петра Алексеевича, когда тот был еще царевичем.

– С библиотекой Ивана Грозного я тоже сталкивался, – признался Давид. – Вернее, со следами ее нынешнего пребывания. Я сегодня уже пытался рассказать тебе об этом.

– Так рассказывай! – потребовала Вилена.

– Знаешь, об этой библиотеке ходит множество легенд, проводилось даже несколько расследований. Какие-то книги из этой библиотеки были найдены, но все следы утеряны, и никто еще до сей поры не сподобился напасть на след или на слабую ниточку о местонахождении легендарной библиотеки за исключением твоего покорного слуги.

– Что? – подняла на парня удивленные глаза Вилена. – Ты единственный знаешь, как найти царскую библиотеку?

– И да и нет, – пошел на попятную Давид. – Сейчас я расскажу то, что мне известно, а потом ты поможешь решить мне: что делать? Итак, изначальное название этой легендарной коллекции книг и документов – Либерея. Существует более шестидесяти официальных предположений о ее местонахождении. Найдены записи, во скольких сундуках, на каких подводах и в каком направлении Иван Васильевич вывозил из Москвы свою сокровищницу мудрых мыслей. Надо отметить, что часть книг ввезла на Русь Софья Палеолог, византийская принцесса, а вторую часть составляет наследие Ярослава Мудрого.

Одним из основных доказательств существования Либереи считается свидетельство протестантского пастора Иоганна Веттермана из Дерпта, которого Грозный пригласил в 1570 году для перевода книг. Его высказывание стало уже летучей фразой среди искателей библиотеки: «Царские книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах». Более того, в 1822 году профессором Дерптского университета Дабеловым среди неопубликованных бумаг университетского архива был найден список книг, с которыми пришлось работать Веттерману. Представляешь?

---

[38] Пьер Паскаль. «Аввакум. Раннее старообрядчество»; *С. Зенковский*. «Русское старообрядчество», Жития Симеона Полоцкого.

– Поразительно! – девушка даже захлопала ладошками. – И ты сейчас взялся искать царскую библиотеку? Слушай, это, вероятно, не хуже, чем найти Грааль?

Давид услышал в голосе своей подружки почти незаметные саркастические нотки и попытался объяснить положение вещей:

– Видишь ли, Грааль и прочие сочинения католиков – это выдумка. А здесь речь идет о действительно существующем сокровище! Поскольку Палеологам пришлось удирать из Константинополя, то многие противники существования библиотеки утверждали, что, оказавшись в Риме, император Константин XI продал бы в первую очередь книги тому же Ватикану. Ведь бежавшему императору надо было на что-то существовать! Но скептики не берут во внимание, что все книги уже вывезла из Византии сама Софья, ибо они были ее приданым. Отец не мог и не захотел бы ссориться с дочерью из-за сделанного им же подарка. Император мог просуществовать без лишних денег, а принцесса-бесприданница – хуже, чем бездомная собака.

В общем, Софья вывезла из Рима библиотеку, прибыла в Москву в 1472 году и ужаснулась следам пожара 1470 года. Она стала бояться огня. Поэтому под церковью Рождества Богородицы в Кремле был устроен первый тайник, или первое книгохранилище. Царь всея Руси Василий III не противился прихотям жены. Он тоже понимал ценность старинных пергаментов, поскольку первая мировая библиотека Александрийского Мусейона[39] сгорела в 640 году стараниями воинствующих мусульман. Библиотека Софьи оставалась единственным хранилищем мыслей мудрецов древности. К тому же в ней, говорят, хранились редкие книги по черной магии и ведовству.

– Мистика какая-то.

– Именно мистика! – воскликнул Давид. – Недаром этими книгами в первую очередь интересовались сильные мира сего.

– То есть?

– То есть Петр Первый, Екатерина Великая, князь Потемкин, декабристы и прочие народовольцы. Некоторые из книг все же гуляют среди населения и находят своего читателя. Достаточно?

– Не совсем, – задумчиво произнесла девушка. – Тебе-то зачем понадобились знания по черной магии? Или захотелось попасть в кремлевскую команду торговцев народным достоянием?

– Вовсе нет! – отмахнулся Давид. – Дело в том, что царь всея Руси Иван Васильевич правильно сделал, спрятав большую часть книг от взора людского, ибо не всем полезно владеть сакральными знаниями. Люди пока не доросли до нужной стадии взросления, поэтому, если библиотеку можно найти, ее необходимо перепрятать, чтобы молящиеся Бафомету[40] не смогли добраться до опасной литературы. Причем некоторые из так называемых кладоискателей, когда выходили на верный путь, теряли зрение.

---

[39] Мусейон (Μουσείον) – основной центр эллинистической науки, созданный в Александрии при первых Птолемеях. От него происходит слово «музей». У истоков заведения стоял Димитрий Фалерийский, ученик перипатетика Феофраста.

[40] Бафомет – одно из имен Сатаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.